

Univerzita Karlova

Filozofická fakulta

Ústav translatologie

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

Sofia Rogozhnikova

Mezikulturní komunikace: čeština jako cizí jazyk – ruština

Komentovaný překlad: Tvrdohlavá Marie. ZHOŘ, Antonín. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1957, s. 71-113.

Annotated translation: Tvrdohlavá Marie. ZHOŘ, Antonín. Prague: Státní nakladatelství dětské knihy, pp. 71-113.

Комментированный перевод: «Упрямая Мария». ЗГОРЖ, Антонин. Прага: Государственное издательство детской книги, стр. 71–113.

Praha 2016

Vedoucí práce: Ing. Mgr. Marie Molchan, Ph.D.

Благодарность

Прежде всего я бы хотела поблагодарить семью Вороновых и семью Ди Донато за моральную поддержку.

Я также благодарю своих коллег Регину Кладову и Гану Самсонову за ценные советы и комментарии.

Я выражаю благодарность своему научному руководителю Марии Сергеевне Молчан за профессиональную помощь в написании данной работы и важные замечания.

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne 1. srpen 2016

Sofia Rogozhnikova

Аннотация

Данная бакалаврская работа состоит из двух частей. Первая часть представляет собой перевод нескольких глав из книги Антонина Згоржа «Упрямая Мария» (стр. 71-113) на русский язык. Вторая часть включает в себя комментарий к переводу, содержащий следующие главы: «Анализ текста оригинала», «Концепция перевода», «Переводческие проблемы и методы их решения».

Ключевые слова

Перевод, анализ перевода, концепция перевода, переводческая проблема, переводческая трансформация, Мария Склодовская-Кюри, биография

Anotace

Daná bakalářská práce se skládá ze dvou částí. První část je překladem vybraných kapitol z knihy Antonína Zhoře *Tvrdohlavá Marie* (s. 71-113). Druhá část představuje komentář k překladu, jenž obsahuje následující části: překladatelská analýza výchozího textu, koncepce překladu, překladatelské problémy a metody jejich řešení.

Klíčová slova

Překlad, překladatelská analýza, koncepce překladu, překladatelský problém, překladatelský posun, Marie Curie-Sklodovská, biografie

Abstract

This bachelor thesis consists of two parts. The first part is a russian translation of the selected chapters from the book *Tvrdohlavá Marie* (pp. 71–113) written by Antonín Zhoř. The second part contains a commentary on the translation. The commentary includes the following sections: Analysis of the source text, Concept of translation, Translation problems and methods for their solutions.

Keywords

Translation, translation analysis, concept of translation, translation problem, translation shift, Marie Skłodowska Curie, biography

Содержание

Введение.....	7
1. Перевод.....	8
2. Комментарий к переводу.....	39
2.1 Анализ текста оригинала.....	39
2.1.1 Об авторе.....	39
2.1.2 О книге.....	39
2.1.2.1 Общая характеристика и тематика.....	39
2.1.2.2 Стиль и жанр.....	41
2.1.2.3 Лексические особенности.....	42
2.1.2.4 Синтаксические особенности.....	43
2.2 Переводческая концепция.....	44
2.3 Переводческие проблемы и методы их решения.....	44
2.3.1 Лексический уровень.....	44
2.3.1.1 Имена собственные.....	44
2.3.1.1.1 Антропонимы.....	44
2.3.1.1.2 Прочие имена собственные.....	45
2.3.1.2 Титулы, обращения и профессии.....	46
2.3.1.3 Фразеологизмы.....	49
2.3.1.4 Цитаты.....	50
2.3.1.5 Труднопереводимые слова и словосочетания.....	52
2.3.2 Синтаксический уровень.....	53
2.3.3 Прагматический уровень.....	55
Заключение.....	57
Резюме.....	58
Resumé.....	59
Summary.....	60
Список использованной литературы.....	61
Приложение 1: Текст оригинала	
Приложение 2: Копия газеты «Утро России»	

Использованные сокращения

др. – другие

О – текст оригинала

напр. – например

П – текст перевода

прим. авт. – примечание автора

прим. перев. – примечание переводчика

пр. – прочие

рус. – русский

стр. – страница

т. д. – так далее

т. е. – то есть

т. к. – так как

т. ч. – том числе

чеш. – чешский

яз. – язык

Введение

Целью первой части данной бакалаврской работы является перевод выбранных глав из книги чешского писателя Антонина Згоржа «Упрямая Мария». Книга посвящена Марии Склодовской-Кюри, французской учёной польского происхождения, и описывает её жизнь, начиная с юношеских лет жизни в Варшаве и заканчивая периодом совместной работы с мужем Пьером Кюри в Париже.

Поскольку Мария Склодовская-Кюри — выдающийся физик и химик и первая дважды лауреат Нобелевской премии в истории, перевод книги Антонина Згоржа мог бы заинтересовать российского читателя. Автор уже известен в России, т. к. на русский язык была переведена одна из его книг «Один против судьбы» (чеш. *Sám proti osudu*, 1962), рассказывающая о жизни и творчестве Л. В. Бетховена.

Во второй части данной работы поставлена следующая задача: провести анализ текста оригинала, на основе которого будет выбрана переводческая концепция и описаны возникшие переводческие проблемы на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях.

1. Перевод

VI Летучий университет

Покрасневшие солнечные лучи плясали уже только по гребням домов. На западе догорал в пылающих облаках майский день, и на варшавские улицы постепенно опускались предвечерние сумерки. Лишь два ряда деревьев, обрамляющие тротуары на проспекте Краковское предместье, ещё сверкали молоденькой зеленью, как будто располагая собственным источником таинственного света внутри своих крон. Им не хотелось так быстро погаснуть.

По тротуарам, в тени ветвей, медленно двигались кучные ряды прогуливающихся людей. Молодые прохаживалась по двое, по трое, девушки — часто в сопровождении мам, пастухи — всегда одни. Искры взглядов летали и передавали сообщения — понятные, хотя и неслышные.

Тут и там с достоинством вышагивали супружеские пары, сдержанные, серьёзные. Однако больше всего было студентов, по моде одетых денди, в светлых брюках в крупную клетку, узких, словно дудочки, и в длинных почти до колен пальто. Большинство поигрывало тросточками, многие из которых завершал серебряный набалдашник. Улыбки, смятенные слова, дерзкие взгляды.

Не один юноша оглянулся на симпатичную девушку, в безразличном одиночестве торопящуюся в направлении к Старому городу. Миниатюрные ножки так быстро стучали по мощёной дороге, как будто бы это была гонка.

Куда она так спешит? Головы не поднимет, не поймает и взгляда! Неужели так гуляют по городскому променаду приятным весенним вечером?

У Марии Склодовской нет времени на шаловливую игру глазами. У неё не было его вчера, не будет и завтра. Она преподаёт на дому, а город большой. Одна ученица у неё на улице Новый свет, другая — на Замковой площади, в получасе быстрой ходьбы друг от друга. Или она бежит через Вислу на кладбище — это снова добрых тридцать минут.

Но она не жалеет ног. Только бы ей найти ещё больше учеников! Каждый час занятий — это шаг вперёд на пути в Париж. Занятия, однако, утомительны, потому что в зажиточных домах всё же властвует богатство, а не усердие. Большинство детей довольно одарённые, но ленивые. И иногда они держатся с дочкой знаменитого профессора хуже, чем с мусорщиком.

У каждого дома с удобствами есть два входа. Красивый, с широкой лестницей и с

начищенными воротами для «лучших» людей. Но со двора можно также войти через тёмный коридорчик, и потом наверх, по узким ступенькам сомнительной чистоты. Через «чёрный ход» в дом заходят служанки, молочница, подмастерье мясника с мясом, ученик пекаря с булочками, трубочист.

Ко многим ученикам Мария смеет прийти только через «чёрный ход». Но высшая цель так заманчиво сверкает вдали, что Мария даже не замечает, как башмаки богачей наступают на её самомнение.

Сейчас уже темнеет. Учительница на дому Скłodовская договорила последнее наставление и исправила последнее задание. И, развеселённая, она спешит провести волшебное превращение. Когда она добежит до Старого города, она будет уже не учительницей, а ученицей. Маня торопится на лекцию «Летучего университета» и ждёт её с таким нетерпением, что сама удивляется, как быстро она добралась до Замковой площади, — на это священное варшавское место, где во время великого восстания впервые пролилась кровь. Она пересекла площадь, затем несколько раз повернула на старых извилистых улочках и вошла в дом, который, на удивление, выглядел далеко не так ветхо, как его соседи.

На втором этаже жила Пьясецкая, учительница одной из варшавских гимназий. Там Маня постучала в дверь. Этот стук не был случайным! Два раза — один раз — два раза. И снова: два раза — один раз — два раза. Маня невольно вспомнила секретный звонок в школе мадемуазель Сикорской. Все встречи «Летучего университета» проходили за плотно закрытыми дверями. Царская полиция всюду совала свой любопытный нос и разнюхивала.

После оговорённого стука внутри раздались едва слышные шаги. Дверь отворилась лишь наполовину, и Маня быстро проскользнула в прихожую, уже наполненную полумраком. Не успев поздороваться, она очутилась в объятиях высокой женщины, на вид лет тридцати. Её худым лицом правил, как диктатор, массивный нос, похожий на железный крюк, предназначенный для того, чтобы ломать ветки. Казалось, что все остальные части лица ему подчиняются и теряются в его тени. Только глаза, необычного цвета фиалковой голубизны, жили своей собственной жизнью. Дерзость и лукавство, которые они излучали, зачастую сбивали с толку наблюдателя: благодаря им некрасивое лицо внезапно казалось прекрасным.

«Vivat prima!» (лат. «Да здравствуют первые!» - прим. авт.) — радостно поприветствовала она гостью. — «Мне на руку, что ты здесь раньше других!»

«Первая?» — неуверенно повторила Маня, потому что в большой комнате, где собирался «университет», неясно бормотали мужские голоса.

Пьясецкая слегка нахмурилась. «М-м-м, те уже уходят!» И она быстро отвела Маню в комнату поменьше, сразу направо на краю прихожей, как будто скрывая гостей. Квартира

профессора Пясецкой была постоянно окутана тайной. Но сегодняшняя скрытность, однако, удивила Маню. Варшава была пронизана сетью запрещённых кружков и объединений, и кое-кто из поляков знал о них. Обеих сестёр Склодовских приняли в «Летучий университет», к чему тогда вдруг эта секретность?

Но профессор Пясецкая тут же показала, что не боится предательства. Когда загадочные гости уходили, она вышла и оставила дверь комнатки открытой. Мария невольно заметила двух прощающихся мужчин.

Одного она чаще видела в этой квартире. Это был университетский студент со странным именем, которое не звучало ни по-польски, ни по-русски, ни по-немецки: Норблин. Девушки уже давно шептались между собой, что сердце мадемуазель Пясецкой не совсем спокойно, когда он появляется в «Летучем университете». В последние дни молодёжь произносила имя Норблина с особым уважением и восхищением. Его выгнали из университета, потому что он читал рабочим лекции о лучшем мире, который придёт, как только все угнетённые соберутся воедино. Его вину не доказали — рабочие молчали, но полиции хватило одного лишь подозрения.

Присутствие Норблина не удивляло Марию; она поразилась его собеседнику. Поначалу девушка не была уверена, что знает его. Сквозь приоткрытую дверь она не видела его хорошо, но потом он дважды показался более чётко. Да, это был он, красавец со жгуче-чёрными глазами под густыми бровями, с узким изогнутым носом и копной тёмных растрёпанных волос. Самый загадочный мужчина Варшавы — Станислав Куницкий. Она ещё никогда не видела его в этих стенах, ни разу здесь не промелькнула и Лоня, его сестра и Манина бывшая одноклассница.

«Иди первым!» — приглушённым голосом сказал Норблин. «Мы не можем идти вместе!»

Куницкий взялся за дверную ручку. Маня отчётливо услышала её скрип. Однако, прежде чем он ушёл, он произнёс фразу, из которой случайно услышавшая её девушка разобрала одно-единственное слово. Но зато такое, которое её поразило!

«Склодовская».

Склодовская? Почему он произнёс её имя? Что он о ней знает? Она с ним никогда не разговаривала! Один или два раза он промелькнул перед ней, когда она заходила за Лоней в квартиру доктора Куницкого. Но он прошёл мимо, как будто она была стеклянная.

Не обманули ли её уши? Но подтверждение не заставило себя ждать. Пясецкая ответила вполне ясно: «Она здесь. Ты хотел бы с ней поговорить?»

«Нет, нет! Устрой это сама! Чем меньше людей меня знает, тем для них лучше!»

Пясецкая вернулась в комнату. Куницкий ушёл, в то время как Норблин ещё минуту

переминался в прихожей, прежде чем и за ним хлопнула дверь.

Маня не смогла сыграть безразличие. У неё на лице был написан вопрос. Пьясецкая с пониманием улыбнулась: «Ты услышала, что мы говорили о тебе?»

Девушка кивнула.

«Сядь! Я должна с тобой кое-что обсудить, прежде чем соберутся остальные. Ты была в Австрии в прошлом году?»

«Да. Зимой и весной я жила у дяди в Скальбмерже — это близко от австрийских границ. Мы ездили туда.»

Профессор заметно обрадовалась:

«То есть у тебя в паспорте записано, что ты имеешь право пересекать австрийские границы.»

«Да — и разрешение действует ещё два года.»

«Я знала это», — Пьясецкая впиалась своими умными фиалковыми глазами в Манины зрачки, как будто прося, но одновременно приказывая: «Ты одолжишь нам этот паспорт, правда?»

Она не сказала почему, она не сказала, что имеет этим в виду, но в этом не было никакой нужды, потому что Мане было всё ясно. Какая-то девушка, посвящённая в планы революции, должна попасть в Австрию. Там печатали запрещённую литературу, листовки, провокационные газеты для польских рабочих. Серьёзная опасность висела над таким путешествием, и не только для того, кто поедет, но и для его помощников. Тюрьма, ссылка, виселица — не слышала ли Маня уже с детства шёпот этих слов? Ведь разоблачение по меньшей мере означало бы полный крах пламенной мечты Мани — поехать в Париж. Но, несмотря на это, она кивнула без малейшего колебания. Всё это было службой угнетённой Польше. — «Завтра я его принесу!»

На некрасивом лице профессора пронеслось удовлетворение. Она погладила Маню по волнистым волосам:

«Так, милочка, так! Ничего другого я от тебя не ожидала.»

Послышался оговорённый стук в дверь, и Пьясецкая поспешила открыть. Студенты осторожно проходили по одному, максимум по двое. В основном это были девушки. Впрочем, пришло и несколько юношей, которые хотели услышать научные толкования на родном угнетённом языке. Они собирались в комнате побольше, с затемнёнными окнами. Все ещё ждали одного из старших студентов, который должен был читать лекции по анатомии.

Над «Летучим университетом» постоянно висела угроза того, что на встречу ворвётся

царская полиция и отправит в тюрьму всех участников, но, несмотря на это, на собрании молодых людей было весело. Всегда находился вопрос, подходящий для жаркой дискуссии.

В этот раз Мария Скłodовская нечаянно расшевелила болтливые языки. Когда она открыла свою кожаную сумку, чтобы достать тетрадь для заметок, у неё выскользнула тонкая, уже потрёпанная книжка. И прямо наземь! Маня нагнулась, полная стыда, потому что в тонком томике заключалась часть её самой секретной жизни.

Но её наклон опередило хищное движение другой девушки, Марьи Раковской, хорошей Брониной подруги. Именно она привела Маню в «Летучий университет». По этой причине и ещё потому, что Марья была на два года старше, она относилась к ней слегка по-матерински и немного по-учительски.

«О-о-о, что это такое читает Манюшка Скłodовская?» — загудела она на всю комнату. И, заглянув в книжку, она возмущённо вскрикнула: «Поэзия! Ты ещё и стихи читаешь? Это Гейне, «Книга песен!»»

Манино лицо залилось краской стыда. Тайный грех стал явным. Любить поэзию стыдно и не по годам: молодёжь смотрит на поэтов с нескрываемым презрением. В моде — наука, трезвость, социализм. Никаких затейливых предложений и витания в облаках! Раздался полусмешливый, полусерьёзный возглас:

«Прочь со стихами! Да здравствует наука!»

«Наши отцы увлекались стихами и привели Польшу на край могилы!»

«Поэт — это осёл, который начинает визжать каждый раз, когда влюбляется.»

«Стихотворцы всю жизнь трубят о наступлении, но, когда начинается битва, они ложатся за печку!» — эта реплика принадлежала Мицкевичу, который во время восстания в 1830 году остался за границей.

Категоричная Раковская заглушила всех:

«Тихо, банда! Но, в самом деле, Маня, все эти стихотворные повести о тиранах и о свободе ни к чему. Всякий раз когда мы восставали, получалось ещё хуже, чем перед этим!»

«Подождём, пока не начнётся мировая революция. Она уничтожит всех тиранов! А пока бросай стихотворения! Можешь их читать, когда постареешь и будешь сидеть в тапочках у печи», — посоветовал хилый гимназист с девичьим лицом.

На голову Мани посыпалась такая смесь упрёков, что она не успела сказать то, что у неё было на языке — в её сердце достаточно места для того и другого: для науки и для красивых стихотворений.

«Это я просто так!» — вполголоса защищалась она, всё ещё красная от смущения.

«Как это — просто так!» — воскликнула Раковская. «У неё здесь даже бумажка с

переводом! О, Маня пишет стихи!»

Раздались победные крики: «Прочитай нам это, прочитай!»

Маня попыталась вырвать у подруги лист, на котором она карандашом нацарапала свою попытку перевести любимейшие страницы из книги немецкого поэта. Однако Раковская молниеносно вскочила на стул. «Тишина! Я вам это прочитаю.» И она начала сначала с издёвкой, затем с каплей восхищения:

*«Ель стоит на севере
одна на голой скале,
закутана в снег и во льду
она тихо дремлет там.
Ей снится грустная пальма,
что молча стремится вдаль,
там, на востоке где-то,
посреди горячих скал.»*

Она закончила в полной тишине.

«Неплохо», — заключил чей-то голос. Кто-то прочитал стихотворение по-немецки, и тут же настал спор, как улучшить перевод Мани, бой за более точное выражение, за красоту родного слова. Время приказывало пренебрегать поэзией и следовать за бесстрастной наукой, но всё-таки во всех этих молодых душах не уснули жажда красоты и восхищение искусством.

«Вы что здесь так кричите? Костя пришёл!» — вдруг закричала от дверей Пьясецкая. «Конец ссорам, будут читать лекции!» Вошёл молоденький студент медицины и коротко поздоровался с обществом. Он сел в углу комнаты, разложил бумаги на маленьком столике и начал читать лекцию о строении человеческого тела.

Дюжина рук старательно записывала латинские и польские названия. На тихой лекции раздавалось лишь шуршание карандашей по бумаге и сухой шелест переворачиваемых листов.

Было уже больше десяти часов, когда Мария быстро шла домой по плохо освещённым улицам. От Старого города до квартиры Скловских — более получаса ходьбы, и сегодня это пришлось девушке очень кстати. Стоит умеренно тёплая и мягкая весенняя ночь. Лёгонький туман скрывает ветхость домов. Из близлежащего парка при дворце графов

Крашиньских доносится негромкий шум деревьев. На востоке, над домами, поднимается неполный лунный диск. Весна идёт по городу и закрадывается в человеческие сны, сеет тревогу, тревожит мрачными предчувствиями.

И в голове Мани — непривычный вихрь, однако весна в этом не виновата. Девушка идёт с немного опущенной головой, как будто пробивая лбом дорогу, и лоб горяч от мыслей, в которых засел «Летучий университет». Правильно ли — повернуться спиной к стихам, к красоте? А бой на баррикадах: неужели восстание потеряло свой смысл? А Бог? Как недавно сказал тот черноволосый смуглый дикарь: «Что нам с того, появился ли мир сам по себе или же вмешалось какое-то Высшее Существо? Мы никогда этого не узнаем — бесполезно ломать об этом голову. Верь только в то, что ты видишь, слышишь или можешь потрогать!»

Многие ещё содрогаются от таких разговоров — Маня со своим пробивным лбом хочет разрешить и эту загадку. Она уже давно потеряла простую, детскую веру в Бога. Разве он не забрал у неё маму, несмотря на все отчаянные просьбы? Не погубила ли его рука и молоденькую Зосю? И, может быть, он дал Польше единственный день свободы, в то время как весь народ каждый день благоговейно взывает к нему? Нет, с Господом Богом что-то не в порядке!

Так размышляет Маня, идя весенней ночью. У неё в голове всегда множество вопросов, и путём напряжённых размышлений она хочет дойти до самой их сути. И все важные и благородные вопросы она в конце концов сведёт к одному-единственному, повседневному, и тем не менее роковому вопросу поездки в Париж. В стране, где люди свободно говорят, пишут и печатают самые смелые идеи, — там всё разрешится. Спор искусства и науки и столкновение взглядов, как воевать: пулей или мудростью? И вечная загадка: как появился мир и управляет ли им кто-то.

Только бы попасть в город, признанный всемирным мозгом! Маня оценивает и считает, что ей принесли эти девять месяцев упорных поисков учеников. Результаты скудные до слёз. Сколько лет она ещё будет так порхать по Варшаве, прежде чем соберёт сумму, с которой она смогла бы сесть в идущий на запад поезд?

А у Брони дела ещё хуже! Ох, Броня камнем лежит у Мани на сердце! Бедняжка! После смерти матери она взяла на себя обязанности хозяйки и уже четвёртый год топчется на месте, прикованная к родному городу самыми тяжёлыми кандалами, — цепями бедности.

Маня беспокоится о горькой судьбе сестры больше, чем о своей собственной. Как она только ни ломала голову, как же ей помочь! Наконец она придумала решение, которое кажется вполне осуществимым. Она уже и с отцом об этом поговорила. Он похвалил план дочери. Вот только согласится ли Броня?

И вот в этом заключается корень проблемы. Она будет сопротивляться! И напрасно! Всё же другого лекарства ей не найти. Не найти, потому что его нет.

Когда Маня подходила к дому, она заметила золотое свечение керосиновой лампы в окне Брониной комнатки. Ура, она ещё не спит! Будто смерч она взлетела по лестнице и ворвалась в комнатку сестры.

Броня сидела у стола, перед ней были два листа бумаги, исписанные карандашом. Маня посмотрела на один из них. Это был список белья, который Броня, как заботливая хозяйка, приготовила сегодня вечером к стирке.

А второй лист? Маня узнаёт его с первого взгляда. Сколько раз она уже видела эти грустные строки! Броня снова и снова пересчитывает деньги, которые у неё есть, и деньги, которые у неё должны были быть.

«Ага», — сказала Маня, — «Париж снова был сегодня в вечерней программе, правда? Так сколько? Мало, да?»

Броня вздохнула и склонила голову над бумагой, как будто веря, что найдёт там цифры повеселее.

«Пожалуй, если я буду есть как можно скромнее, хватит на железную дорогу и на десять месяцев обучения.»

«Это означает год. А тебе нужно пять лет! Мы должны посчитать, сколько тысяч часов нам ещё нужно обучать ленивую молодёжь, прежде чем сказать: «С Богом, Варшава!»»

Броня молча подняла на сестру свои красивые тёмно-голубые глаза, наполненные тоской. Зачем тревожить рану, которой всё равно не зажить? Маня хищно прищурилась, так, будто она только что разгадала сложную загадку. Она схватила сестру за обе руки и затрясла её:

«Если ты захочешь, ты сможешь уже в этом году прогуливаться по набережной Сены!»

Броня вдруг выпрямилась и с горечью улыбнулась:

«Об этом, извини, об этом мне не нравится шутить!»

«Я это серьёзно. Сейчас середина мая — а в октябре ты поедешь!»

«Без денег?»

«Я их достану!»

«У тебя нет жара?»

«Нет, но я наконец-то нашла путь к деньгам!»

«В частных уроках за пятьдесят копеек?» — горько засмеялась Броня.

«Нет! Так я бы через четыре года была именно там, где сегодня ты. Я найду себе место гувернантки в богатой семье. Это означает кучу денег, питание, жильё, одежду! У меня останется почти всё жалованье. На что бы я его тратила? Я уже спрашивала, сколько я смогу

получить. Примерно четыреста рублей в год. И на них ты будешь учиться в Париже. Кое-что добавит папа — ты знаешь, что он бы отдал последнюю рубашку!»

Броня смотрит непонимающе. Гувернантка в богатых домах — это то же самое, что и прислуга. Это так великодушно и совершенно бескорыстно, что она даже не хочет этого понять.

«А как же твоё обучение?»

«Когда ты станешь врачом, опять же ты поможешь мне! Неужели ты не понимаешь, что учиться обе одновременно мы никогда не сможем?»

Броня цепенеет. Ей стыдно принять жертву сестры.

«Но это означает пять лет в ожидании! Пять лет! Поезжай вперёд ты, Маня, ты талантливее! Я подожду!»

Её голос дрожит. Вдруг до исполнения давней мечты рукой подать, но совесть мешает ей воспользоваться предложением сестры.

Как же она может согласиться с тем, чтобы младшая сестра ела горький хлеб хозяйской служанки бесконечные пять лет?

«Глупости!» — перебивает Маня резко, чтобы скрыть волнение чувств. «Сколько тебе лет? Двадцать! — А мне? Семнадцать! Кто может ждать? Договорились. Пожми мне руку!»

Но она не взяла правую руку сестры в свою. В Брониной душе всколыхнулась волна бесконечной благодарности. Вместо того, чтобы дать руку, она бросилась Мане на грудь и, заикаясь от слёз, шептала:

«Я не знаю, смею ли... Но я до смерти этого не забуду...» При этом она орошала плечо сестры слезами неопишуемой радости.

VII Мрачная ночь

В середине октября, когда Броня уехала, Маню охватило странное чувство. Жить словно внезапно стало грустнее. Дом был домом уже лишь наполовину.

Она день за днём понимала, что на самом деле в исчезнувшей сестре для неё жили два человека — мать и подруга. У кого ей теперь просить материнского совета во многих вопросах? И с кем она сейчас может по-дружески побеседовать об исследованиях и мечтах, которые и её тоже вели в Париж?

А Мане бы так нужна была мать и подруга в эти осенние месяцы! Она поступила на службу гувернанткой в семью богатого варшавского адвоката. Но тут же, в первые дни, она поняла, что это очень трудный путь, полный горечи.

Дом, в который она вошла, был странным. До этого Мария только в романах встречала людей, в которых жажда богатства высушила любое другое более порядочное чувство. Здесь она видела их жизнь как на открытой ладони своей руки.

Странный дом! С одной стороны ручьём текло золото, с другой — ограничивались самые важные расходы. Хозяйка дома заказывала свои драгоценные туалеты из Вены и Парижа, а соседний портной почти каждую субботу приходил напоминать о долге в несколько рублей. Недавно пан адвокат, будучи пьяным, разбил несколько зеркал в выдающемся варшавском ресторане, и эта гусарская выходка стоила ему не одну сотню. Но служанка, чьё жалованье составляло несчастных пять рублей в месяц, должна была заплатить и за старую чашку, случайно выскользнувшую у неё из рук.

Сразу же, в первые дни, холодный женский голос упрекнул Маню в том, что она многовато хочет за свою работу, в то время как по городу бродят десятки бедных студенток, готовых преподавать вдвое дешевле.

«Холодный ад» — так называла Маня роскошный дом.

Но когда она забежала однажды вечером домой, она подавляла в груди каждый вздох и старалась не проронить ни слезинки. Она видела, как усталые глаза отца ищут улыбку на её лице.

Однако иногда ей казалось, что грусть ни на секунду не покидает её в эти осенние дни и, подобно удушающему газу, душит последнюю радость, которая у неё осталась, — радость от работы.

К счастью, у неё была тихая гавань, в которой она могла в любое время избавиться от своей ноши. Это был дом, охраняемый говорящим львом. Время от времени, после ужина, она вырывалась из «холодного ада» и спешила по затихающим улицам к Пржиборовским. Вокруг неё тут же собирались три существа, жаждущие ей угодить: Казя, её младшая сестра Уля и сама пани Пржиборовская. Как и в детские годы, она получала свою чашечку горячего шоколада и должна была открыть душу.

Она, бывало, стыдилась того, что ей не достаёт храбрости, чтобы не перекладывать свои беды на чужие плечи. Потом она сдерживала свой порыв, встряхивала гордой головой и начинала подшучивать над своим хозяином.

«Наш хозяин», — говорила она, и выражение «наш хозяин» было пронизано презрением, — «в понедельник — поляк, в четверг — русский, в воскресенье — француз. Это можно узнать по усам. В понедельник усы у него свисают вниз, как у настоящего поляка, — он сидит в кабинете адвоката и принимает посетителей. В четверг он вытягивает себе бородку, чтобы она казалась густой бородой. Он хочет выглядеть, как русский!

Собственно, в этот день у него переговоры с ведомствами. В воскресенье он закручивает себе усы на французский манер — они торчат с каждой стороны лица, как дырокол. И он заставляет семью говорить по-французски, потому что к нам приезжают гости. Но это такой нескладный французский, что будь они в Париже, они должны были бы договариваться с помощью рук.»

Маня смеётся, но троим Пржиборовским страшно. В какие суровые руки попало это милое и мудрое создание! Впрочем, они дают ей один-единственный совет:

«Уезжай оттуда! Найдётся что-нибудь другое!»

Но Мария знает, что хорошо оплачиваемых мест мало. Она не может потерять свои четыреста рублей в год: на них покупается счастье сестры.

Она проглатывает горечь, закусывает губу, но втайне всё-таки думает о новом месте.

В начале января она ворвалась к Пржиборовским:

«Я уволилась! Я поеду в деревню. Сто километров от Варшавы.»

«Ты уезжаешь из Варшавы?», — изумилась Казя. Она знала, что и раньше поступали предложения из деревни и что Маня их, тем не менее, не приняла. Она была привязана к родным местам из-за отца и подруг, её держал здесь также «Летучий университет». Как бы то ни было, у Марии в голове уже всё решено.

«Что мне остаётся? Даже если бы я нашла в Варшаве бог знает какое место, это не окупится. В большом городе человеку нужно купить и то и сё, лучше одеваться и обуваться. А там? Меня берут на полное обеспечение, предоставляют собственную комнату — всё, всё! И сорок рублей в месяц! Это почти пять сотен в год. Пять сотен!

Только у меня болит душа за папу. Но пока с ним остаётся Хелена и Юзеф.»

Она полна надежды, но лицо Кази погрузнело. Уля, которая младше на год, но во всём хочет сравняться со старшими, выдвигает предложение:

«Ты должна как-то хорошенько попрощаться с Варшавой. Двадцать седьмого января у нас будут танцы допоздна. Если ты пойдёшь, то придёт и Казя. Приходи! Закружишься в последнем танце в Варшаве!»

Мария долго не сомневается. Два года назад она безумно протанцевала весь мясопуст (период запрета на мясные продукты перед Великим постом у поляков, масленица — прим. перев.) в деревне. Эти воспоминания ещё живут в ней. Но тут же в ней просыпается примерная сестра. «А как же Хеля? Она бы тоже могла пойти?»

Казя в восхищении заключает Марию в объятия и осыпает её щёки поцелуями. Уля прыгает вокруг, хлопает в ладоши и заявляет, что это должны быть танцы, на которых ещё никогда никто не бывал. Она позовёт знакомых юношей, и все четыре девушки будут

танцевать от начала и до конца.

Хелена приняла новость столь же восхищённо и лихорадочно приступила к приготовлениям, на которые едва оставалась неделя. В квартире появилась недорогая домашняя швея, которая уже владела волшебным искусством придавать новизну старым платьям сестёр Склодовских. Хеля помогала и наполняла квартиру звонким смехом. Она постоянно стояла перед зеркалом в наряде, знавшем ещё времена «кулигов» (кулиг — традиционная польская забава; процессия, в которой участвует несколько саней, запряжённых лошадейю — прим. перев.), а Маня с удивлением смотрела, как поношенное платье теряет свою обыденность рядом с красотой Хелены.

Знакомые считали красавицами всех сестёр Склодовских, но в лице и фигуре Хелены было как бы собрано и подчёркнуто всё наследие родовой красоты. Изящной фигурой она превзошла обеих девушек. Она была выше Мани чуть ли не на целую голову, Броню — на полголовы. Благодаря тонкой талии и гибкости молодой берёзки, в её движениях всегда было что-то игривое. На лице с тонкими чертами сияли большие и непривычно далеко посаженные серо-голубые глаза. Это давало её лицу милое, почти детское выражение.

Мария знала, что сестра красивее, и ей заранее казалось очевидным, что в зале для танцев она будет иметь большой успех. В приготовлениях к вечеру, который означал долгое расставание с Варшавой, она принимала лишь пассивное участие. Несмотря на то что уже в середине января она уехала из «холодного ада» и осталась дома, заботу о платье она доверила Хеле и швее. За четырнадцать свободных дней нужно было привести в порядок одежду, бельё, обувь и, прежде всего, книги. В большой семейный чемодан были сложены учебники математики, физики, химии и кто знает, чего ещё. Маня намеревалась продолжать обучение самостоятельно.

В последние две недели пребывания в Варшаве она старалась быть к отцу как можно ближе. Подсознательно она была привязана к нему многими чертами характера, сознательно она хотела отплатить ему за усердность, с которой он хотел заменить заботу матери помужски неуклюжей нежностью. Теперь каждый вечер, в полумраке, они беседовали друг с другом, иногда и с Юзефом. Обычно он приходил посидеть лишь ненадолго, но зато какие он приносил новости!

Уже более трёх лет подземный мир Варшавы сотрясился от тёмного негодования. Рабочие, получавшие нищенское жалованье, постоянно бунтовали. Голод гнал их на улицы. Как могла жить семья поденщика, который за целый месяц тяжкого труда заработал четырнадцать рублей? Меньше чем пятьдесят копеек в день для семьи с тремя-четырьмя маленькими детьми!

И в то время как каждому старательному рабочему с трудом доставались необходимые четырнадцать рублей, назначенный царём глава городского ведомства за те же четыре недели получал шестьсот рублей!

Беспорядки начались четыре года назад с большой забастовки в железнодорожных цехах. Годом позже рабочие снова сплотились. На этот раз — против унижительного обращения с женщинами-рабочими. А к осени прошлого года на улицах громко раздавались крики большой демонстрации безработных.

Жизнь польской столицы была всё такой же беспокойной, и Юзеф многое узнавал от своих друзей из предместья.

Маня взволнованно слушала. В головах её подруг на восемнадцатом году жизни были другие вопросы, но она уже многое знала о своей новой идее, которая однажды избавит рабочего от голода и рабства — о социализме. И, как большинство студентов «Летучего университета», она тоже придерживалась нового учения.

Она также знала, что Норблина, загадочного друга профессора Пьясецкой, отстранили от обучения из-за социализма и что с ним как-то тайно связан и красавец Станислав Куницкий, наполовину поляк, наполовину грузин.

Она с пониманием слушала пламенные речи о грядущей мировой революции, ведь в ней никогда не засыпала страстная любовь к свободе, но от революционной деятельности её отдаляли погоня за хлебом, ежедневная беготня с одного конца Варшавы на другой за заработком, в конце концов и работа гувернантки. Она только несколько раз помогла тем, что одолжила свой паспорт для секретных поездок революционеров.

Она также слышала о крупных арестах лидеров рабочего движения, и её взяла за живое новость о том, что в тюрьму был заключён и брат Леониды Куницкой.

Это было полтора года назад, и жизнь в Варшаве пока продолжалась дальше. В царских судах выносились приговоры: тюрьма, Сибирь, смерть — город работал, пел, танцевал: из-за бесконечного преследования все уже стали такими равнодушными, что почти этого не замечали.

Так и сёстры Склодовские живут теперь своими заботами: Мария — приготовлениями к отъезду, Хеля — подготовкой к танцам.

Казя каждую минуту прибежала посмотреть, как продвигается шитьё платьев. Она самозабвенно хвалила всё — даже старое атласное платье Мани, украшенное дешёвым синим тарлатаном. Тарлатан также использовался ещё для важных круглогодичных праздников и должен был заменять дорогой тюль, на который Маня не хотела жертвовать ни копейки, несмотря на всю настойчивость швеи.

Иногда Казя приносила ленточку из своих запасов и потом с Хеленой целый час примеряла, куда её прикрепить. У них не было ни малейшего опасения, что на платье будет много украшений: мода и самые простые платья перегружала кружевами и бантиками.

Мане казались немного смешными эти беседы об украшениях. Всякий раз она здоровалась с Казей и быстро отстранялась. Но когда наступило утро ожидаемого дня, даже её охватила радостная лихорадка. Она вспоминала последний бал в особняке графини де Флэри, где она, танцуя, стоптала свои башмаки так, что утром они отправились на свалку. Она объявила, что конец сегодняшних танцев будет таким же: она стопчет башмачки и пойдёт домой босая.

А Хелена утром, как только выскочила из постели, снова нарядилась в старо-новое платье и с помощью тщательного разбора своего отражения в зеркале уже в пятидесятый раз пришла к выводу, что она по-настоящему прекрасна.

В те дни подготовки к танцам жизнь казалась девушкам белой полосой, лёгонькой кистью начерченной на будущее. В то же время другим людям могучие руки в варшавской крепости рисовали чёрную полосу на ближайшие дни. И двадцать девятого января 1886 года судьба поставила точку пересечения этих не зависящих друг от друга линий, белой и чёрной.

В то утро Казя в последний раз бежала по морозным улицам к своим подругам. Ей казалось, что нужно ещё раз окончательно договориться о том, что они уже давно обговорили до мельчайших подробностей: что пан Пржиборовский позаимствует карету графа Замойского с кучером, украшенным галунами; что это роскошное средство передвижения приедет к бедненькому дому на улице Новолипки и отвезёт обеих Склодовских назад во дворец. Затем вместе оттуда — ах, сколько раз, сколько раз Казя и Хелена уже всё это проговорили! Однако жизнь решила, что карета графа не приедет к дому Склодовских. В этот день она приготовила для Кази такую встречу на улице, что она прибежала к Склодовским с платочком, мокрым от слёз.

И новые капли падали на платочек, когда она рассказывала, что на пути наткнулась на Лонию Куницкую.

«Она шла — глаза вытаращенные и довольно красные. Она меня не видела до тех пор, пока я не схватила её за рукав.»

«Что-то случилось с её братом», — с тревогой предположила Маня.

Казя кивнула:

«Прямо перед Рождеством его осудили на смертную казнь. Но никто не верил, что его на самом деле убьют. Сколько уже было осуждённых, которым казнь заменили на долгое заключение! Станиславу ещё только двадцать пять лет. И сегодня...», — Казя разрыдалась. Она была не в силах пошевелиться.

«Его казнили!», — с ужасом взвизгнула Хеля.

«Нет! Наверное, это было бы лучше. Но семье сообщили, что его повесят завтра утром, на рассвете. Это ожидание, эти страшные двадцать четыре часа! Лоня сказала мне, что родители и родственники соберутся у них и будут молиться всю ночь. Она попросила меня...», — плач прервал её слова, — «она попросила меня, чтобы мы пришли к ней. Она не хочет быть с семьёй, она не сможет молиться этой ночью...»

Казя вдруг подняла мокрое от слёз лицо и умоляюще сказала:

«Мы не можем идти танцевать! Вы пойдёте со мной, правда?»

С плачем они дали обещание и тут же стали договариваться, кого ещё взять, чтобы больше людей разделило Лонину боль.

Но они не нашли никого, кто бы подходил для такого сложного задания.

Вечером, в тот момент, когда по блестящему паркету разлетелись первые танцующие пары, четыре удручённые девушки стояли перед дверьми квартиры Куницких.

Они долго колебались, прежде чем решились дёрнуть за шнурок колокольчика. Внутри долго ничего не шевелилось. Потом в дверях появилось странно изменившееся лицо Лони. Сверкающие чёрные глаза как будто погасли под густыми бровями, однако не могли скрыть красные от слёз белки глаз.

Она кивнула девушкам и повела их в свою комнатку. В прихожей на вешалке громоздились пальто. Очевидно, семья в сборе. Тем не менее, в комнатах стояла необычная тишина. Но с чего начать?

На столе горела лампа с шарообразным абажуром из розового стекла и наполняла комнату мягким, ненавязчивым светом. В сказочной обстановке девичьей комнаты мысль о поджидающей смерти внушала ещё больший ужас.

Тем хуже было девушкам. Как найти фразу, которая бы не причиняла боль, но всё же не избегала её?

Наконец самая младшая, Уля Пржиборовская, начала с прямолинейной простотой, на которую способна лишь молодость:

«Лоня, расскажи нам о своём брате!»

Вызов показался всем невероятно жестоким. Маня аж задержала дыхание. Но, как ни странно, после короткой заминки Лоня разговорилась. Казалось, что она так наполнена мыслями о брате, что так или иначе она не смогла бы говорить о чём-то другом.

«Иметь такого брата — это дар, который я, наверное, даже не заслужила. Он был на шесть лет старше меня, и поэтому я всегда думала, что он идёт впереди меня и ведёт меня за руку.

Мне казалось, что он всё знает, всё осилит, что он смеётся над любой опасностью.

Возможно, представление о его мудрости и силе возникло уже в детстве. Это мы ещё жили на Кавказе. Мне было неполных шесть лет, ему — двенадцать. Родители часто ездили с нами в горы. Мама не умела жить в городе, в том числе поэтому она так рано умерла. Её всегда тянуло к высоте, потому что она там родилась. Родители зашли в какое-то жилище, а мы с братом отправились без их ведома на необдуманную прогулку. Высоко над нами, на скале, был лес. Воздух был такой чистый, что казалось, будто до тех скрученных сосен можно было достать рукой. Мы полезли выше и выше, потерялись среди скал, и вдруг над нами повисла чёрная туча. Начался проливной дождь, с неба как будто падали целые столбы воды.

Конечно, мы оба были в ужасе, но брат совершенно не подал виду. Он укрыл меня под нависшей скалой и крепко прижался ко мне. Я думала, что мы оба хорошо укрылись, на меня даже не капало. А потом я поняла, что всю бурю вода катилась по его спине, потому что укрытия было не достаточно, чтобы защитить нас обоих. Когда буря прошла, сверху неслись потоки мутной воды. Я не осмелилась даже намочить в них башмачок. Сташек посадил меня на спину и нёс через потоки с камня на камень прямо вниз.

Не спрашивайте, как он получил от родителей! Но я смотрела на него, как на героя, — и это уже во мне осталось.»

«Он был героем и сейчас!», — сказала Уля.

«Почему был? Ещё есть», — отозвалась Маня, — «и, может быть, будет! Сколько раз осуждённые уже стояли на плахе, и в последний момент им объявляли о помиловании. Сам Достоевский...»

«Нет!», — со скорбью в голосе твёрдо перебила их Лоня. «Его не помилуют. Как и тех троих, которые должны умереть вместе с ним. Один — русский, двое — поляки!»

«А почему их...», — Хелена в ужасе осеклась на полуслове.

Леонида Куницкая, которая никогда не распространялась о заговорщической деятельности брата, с неожиданной откровенностью начала рассказывать.

«Уже нечего скрывать», — объявила она. «Всё равно уже всё известно!»

Удивлённые девушки услышали историю революционера, до смерти преданного борьбе за человеческую свободу. Он учился в Институте путей сообщения в Санкт-Петербурге, где завязал первые контакты с группой студентов-революционеров. Это была именно та группа, из которой выделились смельчаки, бомбой разорвавшие карету царя на петербургской улице.

Потом он на короткое время вернулся в Варшаву. Два года назад он исчез, как сквозь землю провалился. Никому из семьи не сказал куда. Оказалось, что он был во Франции. За

границей он основал социалистический журнал для польских рабочих. Через Австрию их тайно привозили сюда. Эта поездка во Францию была смелой выходкой, но этого ему было мало. Он вернулся в конце января и весной уже снова был за границей. Тогда он знал, что царская полиция его выслеживает. Он мог там остаться, но не захотел оставлять начатую революционную деятельность.

Затем бледная девушка медленно и бесстрастно рассказывала об аресте брата в 1884 году, вскоре после его второго возвращения из-за границы. Ему тогда было двадцать три года.

Более полутора лет он просидел за решёткой. Военный суд в декабре осудил шесть обвинённых. Двоих помиловали. А Станислава?

Была полночь, когда исповедь Лони дошла до самого больного места.

«Что же они сейчас делают?», — спросила Хелена шёпотом, но не ожидая ответа. Что они делают? Все ясно представляли себе, что они сидят в каменной темнице на жёсткой койке, с оковами на руках, и тоже предаются воспоминаниям. Вот бы можно было шепнуть им какое-то доброе слово, лишь одно, единственное слово — о любви, которая поднималась за ними прямо до страшной крепости над Вислой.

Вдруг Казя резко вскакивает и устремляет глаза на маленькие напольные часы на низком комод:

«Полночь! Начинается последний день! Помолимся за них! Помолимся!»

Уля первой бросается на колени. За ней — Казя и Хеля. Бледная Лоня остаётся удручённо сидеть на краю кушетки. Она крутит головой и говорит с заметным усилием, чтобы её слова никого не задела:

«Я не знаю, должна ли я. Брат не верил в Бога так, как мы тому учились. Он говорил, что никто никогда ничего не знал на этот счёт и никогда не будет знать. Наверное, есть некая космическая сила, управляющая бесконечностью. Но если она существует, то точно о нас не заботится, и мы не можем ей ничего сказать.»

Девушки потрясённо слушают — только Маня понимает. Сколько раз она слышала о таком странном вероисповедании в «Летучем университете».

«Но ты всё же можешь молиться!», — стоя на коленях, призывает дрожащим голосом Уля и поднимает руки к бледной девушке.

«Я не могу, Уля! Не могу! Прости! Он учил меня верить в человека, в его доброту, в его силу. Он говорил, чтобы я вместо молитвы читала о жизни великих людей. Так я молюсь. Но с вами? Этого я уже не смогу!»

В этот момент у Мани появляется непреодолимое желание обнять Лоню и прижать её

страдающую голову к своей. Она чувствует, как её сердце забилося сильнее. Разве в ней самой не вспыхнуло то же яростное восстание против Бога, когда умерла мать? Куницкая поднимается и тихо говорит:

«Но почему бы вам не помолиться?» Три девушки становятся на колени и вполголоса проговаривают «Отче наш». В розовом полумраке стоят только две — Лоня и Мария.

Девушки долго и с болью молятся; затем поднимаются, взволнованные до самых корней своего бытия. Казина кровь стучит сильнее всех — она бы вновь хотела как-то соединить группу, которая стояла на коленях, и тех двоих, которые хранили спокойное молчание.

«Пожалуй, мы можем тихонько запеть?»

Куницкая в знак согласия кивает головой, которую украшают великолепные волосы цвета воронова крыла, сегодня так непривычно не убранные. Они снова уселись, но никто не знает, какую песню начать, чтобы она не нарушала торжественность, которую все чувствуют. Религиозную или революционную?

Хелена Скловская всё же находит песню, которая объединяет всё: набожность и мятежность, отчаяние и мольбу. Ни у какого народа на свете нет более благочестивой и более безбожной песни. Чтобы она родилась, Польша должна была пережить необъятное горе. В ней уже не просят, а обвиняют и вымогают милость Божью.

Хелена начинает петь приглушённо, и тем более страстно. Остальные голоса сливаются с её голосом:

*«С дымом пожаров, с кровью родимой,
Наш к Тебе, Боже, вихрится стон,
Жалобой страшной, неустрашимой,
Дух поседевший в пытке взметён.
Вот уж без жалоб нет нам напева,
Тернии врыты в наше чело.
Памятник вечный Божьего гнева,
Руку с мольбою к Богу взнесло.»*

Конец песни сопровождался всхлипываниями, однако слёзы не гасили огонь боли. После первой песни зазвучала другая, снова странная: наполовину религиозная, наполовину патриотическая. И каждую строфу завершала отчаянная мольба:

*«Отечества свободу изволь
вернуть нам, Господи!»*

Приближается утро. Лоня Куницкая уже постепенно теряет своё спокойствие и заливается слезами. Девушки толпятся вокруг неё, утирают слёзы. После того как ей полегчало, они трогательными усилиями заставляют её выпить немного чая, приготовленного старой прислугой — даже она не спит этой ужасной ночью. С вечера она стоит на коленях на твёрдой земле, перед распятием, расположенным на широкой доске, которая прикрывает её постель в углу кухни. Она стоит на коленях, соединив руки, жалобно молится и плачет в голос. Бог не слышит.

Над крышами медленно показался первый проблеск света. Лоня открывает занавеску и смотрит на бледную полосу на сером небе как безумная.

Девушки отрывают её от окна, усаживают и обнимают. Но и их глаза прикованы к небу.

Светлая полоса над крышами становится золотой. Жёлтое пламя зари поднимается вверх. Рассветает.

«Сейчас, сейчас!», — стонет Лоня, всем телом опускается на кушетку и зарывает лицо в подушку. Девушки снова падают на колени. Ненароком они поворачивают лица к старейшему богу человечества, восходящему солнцу, как будто оттуда могло ещё повеять какой-то надеждой.

Но все знают, что не может. В плохо освещённой комнате громко раздаётся молитва, прерываемая всхлипываниями. И через мгновение с ними становятся на колени и всхлипывают и Лоня Куницкая, и Мария Склодовская. Они склоняют головы не перед величием Бога, который забыл о справедливости, а перед огромной жертвой тех, кто во время рассвета умирает за справедливость в мире.

VIII Деревенская учительница

Через три дня Мария Склодовская уже была в ста километрах от Варшавы. Три часа она просидела в поезде и потом сменила его на сани, которые послал за ней на вокзал пан Земиньский.

«Далеко до Щук, дяденька?», — спросила она у пожилого кучера в длинном овчинном тулупе и с таким объёмным мехом, что расстояния между отвёрнутым воротником и шапкой из овчины хватило лишь на то, чтобы он просунул туда короткую трубку.

«Далеко ли? Куда там, девонька! Рукой подать!» Он цокнул языком и слегка стегнул кнутом по спинам красивых гнедых лошадей. Сани полетели по сельской местности, которая удивила молодую воспитательницу своей простотой. Её создавали две плоскости. Белая, по которой мчались сани, и серая, лежащая невысоко над ней, как свинцовая пластина. Лишь изредка к небу поднимались голый чёрный куст или дерево.

Сначала у Марии вообще не было времени, чтобы осматривать пейзаж. Кучер завернул её в огромный хозяйский тулуп и накрыл столькими попонами, что ей пришлось постараться, прежде чем она удобно расположилась в этом несметном количестве меха и толстых тканей. В том, что новые хозяева послали ей такое богатое снаряжение против мороза, она видела хороший знак.

А другая приятная волна поднялась в ней под влиянием воспоминания о похожих полозьях у дяди Казимира. Там она была счастлива, как и всегда в деревне. Наверное, и здесь будет хорошо.

Она бегала по однотипному пейзажу глазами, полными надежды. Вдали она искала то, что бы походило на господский дом. Когда лошади безуданно бежали рысью уже почти час, она снова спросила:

«Далеко ещё, дяденька?»

Он повернул к ней свою трубочку и повторил:

«Куда там, девонька! Рукой подать!»

И снова она не видела ничего, кроме белой равнины, спины извозчика в овчинном тулупе и подскакивающих макушек лошадиных голов. Её веки закрывались от усталости. Утомлённая ездой и спешкой последних дней, она опёрлась на мягкое сиденье и задремала. Сначала она провалилась в глубокий приятный сон. Потом со сном начали мешаться мрачные тревожные воспоминания... Светлица, пять девушек стоят на коленях и во все глаза смотрят на бледное предзнаменование восходящего солнца. Она вздрогнула и проснулась от резкого толчка. Они стояли перед одноэтажным деревенским строением, неприметным, даже почти грязным. Уже смеркалось.

«Это уже Щуки?», — сказала она удивлённо.

Кучер слез с козел и только потом ответил:

«Нет, нет, девонька! Это трактир. Здесь я должен купить для вас чай.»

«Ещё далеко ехать?»

«Да нет, девонька, рукой подать.»

«Тогда я не хочу чай. Спасибо!»

Они снова ехали и через какое-то время, которое казалось бесконечным, Мария снова

спросила, как далеко ещё ехать. И кучер ответил так же спокойно, как и прежде:

«Недалеко, девонька! Рукой подать!»

Однако она проспала не меньше часа, прежде чем сани остановились перед домом, который в темноте казался очень просторным. В нём горел целый ряд окон — на первом и втором этажах.

Что происходило дальше, было для измученной и сонной Марии как в тумане. Она вошла в широкий освещённый вестибюль, в который внезапно бросилось много людей — мужчина постарше, какая-то девушка лет семнадцати, затем дама постарше — молчаливая, но улыбающаяся, десятилетняя девочка, чьё лицо выдавало неуправляемое любопытство, мальчик лет трёх. Очевидно, это были главные персоны. С лестницы и из дверей позади выглянуло несколько женских лиц — это были, вероятно, служанки и кухарки. Многие говорили одновременно, спрашивали, как добрались, пожимали руки. Кучер прошёл рядом, держа в руках два худеньких чемодана новой воспитательницы, тяжёлый чемоданчик с книгами и лёгонькую коробку, в которой было Манино второе платье и немного белья.

Одуревшая от мороза и дремоты, она отвечала с робкой улыбкой, толком не зная что, слышала имена и не запоминала их.

А потом она очутилась в просторной отопленной комнате, обставленной мебелью, из которой её сонные глаза выделили только две вещи: стол с приготовленным ужином и с большим чайником и белую застеленную постель у стены справа.

Утром всё прояснилось — в её голове и в доме.

Только тогда, когда служанка привела её на завтрак вниз, в столовую, она подробно познакомилась с семьёй, которой должна была служить.

Пан Земиньский был выше среднего роста, очень подвижный, худой, с торчащим носом и редкими неопрятными каштановыми волосами, которые серебрились у висков. Его супруга могла служить образцом аккуратности. В белокурой шапке её волос каждая прядь была на выверенном месте. Лицо у неё было гладкое, без морщин, хотя ей уже точно сильно перевалило за сорок.

Потом они представили воспитательнице детей. Восемнадцатилетнюю Броньку с большими ласковыми глазами, блеска и цвета только что очищенного каштана. Мария узнала, что она тоже будет её ученицей, несмотря на то что главной воспитанницей будет Анджа, несколько упитанная девочка десяти лет.

Трёхлетний Сташек ещё не дорос до ученика, а последним членом семьи была Марихна — розовый полугодовалый младенец.

Затем возник обыкновенный вопрос: как Мария в первый раз выпалась на незнакомом месте. Она с улыбкой ответила:

«Спала без задних ног! Но я испытала огромное удивление, когда выглянула утром из окна. Вчера я покидала Варшаву и была обрадована хотя бы одной вещью: что я долго не увижу ни одного фабричного дымохода. И сегодня мой первый взгляд упал на заоблачный дымоход и на фабричные здания вокруг него.»

Домашние улыбались, а пан Земиньский с видимой гордостью объяснял:

«То есть наш сахарный завод вас напугал? Но не обращайтесь на него внимания! Благодаря нему мы не живём так захолустно, как это бывает в деревне. Он кормит двух инженеров и несколько служащих. Все заказывают какой-нибудь журнал, книг у юношей хватает — здесь вы не будете так скучать по столичной культуре.»

«Ох, у мадемуазель вряд ли будет много времени, чтобы скучать», — сказала пани Земиньская. «Уж Анджа об этом позаботится! Я была бы рада, если бы вы прямо сегодня занялись её воспитанием. Ей нравится учиться, но ещё больше ей нравится ничего не делать. Утром вы должны будете будить её холодной водой! Будь её воля, она бы продлила ночь до самого обеда.»

Эти фразы несколько охладили Манино тёплое впечатление от нового дома. Не столько содержанием — она знала, что будет не только учительницей, но и воспитательницей, и даже немного горничной. Её всё же смутил строгий, почти приказной тон.

Работы нарисовалась чересчур много! Самих только уроков у неё было семь часов в день — четыре часа с Анджей и три часа с Бронькой. Так она с восьми до десяти занималась с девочкой, а затем бралась с Бронькой за французскую грамматику. При этом они обе сидели в девичьей комнате, со вкусом обставленной блестящей светло-коричневой мебелью с тонкими прогнутыми ножками.

Они едва пробежались по двум-трём страницам учебника, как Бронька положила маленькие ладошки на открытую книгу и стала просить:

«Сегодня первый урок! И мы это отметим, да? Пожалуйста, я очень прошу, расскажите мне что-нибудь о Варшаве! Я дважды была там всё лето, но жизнь я видела только из окон пансионата. И о себе мне что-нибудь расскажите, будьте так добра!»

Мане было достаточно взглянуть на чистое полудетское лицо, обрамлённое каштановыми волосами, и посмотреть в умоляющие и вместе с тем радостные глаза, чтобы девушка влюбилась. К тому же она была расположена к ней с того момента, когда услышала, как её называют. Бронька, Бронислава, Броня — уже само это имя было освещено любовью и воспоминаниями о не только сестре, но о и матери!

Она смутно чувствовала, что помимо ученицы у неё будет здесь и подруга. Учительница была всего на полгода старше ученицы.

Поэтому она закрыла учебник по французскому, и на её маленьких губах появилась снисходительная улыбка:

«Да, это в первый раз! А что именно вы хотите услышать, Бронька?»

«Всё, всё, мадемуазель! И сначала о вас, о вашей семье. Папа говорил, что читал какие-то статьи по химии или о чём-то таком, которые перевёл ваш пан отец с английского. И вы, говорят, столько всего знаете!», — она лъстиво заиграла глазами и, не дожидаясь ответа, продолжала:

«Папа тоже понимает что угодно, химия — его конёк. Он руководит сахарным заводом, управляет помещьем Чарторыйских, и хочет, чтобы у него всё было по последнему слову науки. Но подождите», — вдруг прервалась она, — «я бы рассказывала о неинтересном и не услышала бы об интересном. Рассказывайте, пожалуйста, уже вы!»

Маня откинула со своего гладкого куполообразного лба золотистые пряди и смущённо улыбнулась. Она точно не была из тех людей, которые сразу же на первой встрече кому угодно рассказывают всё самое сокровенное. Но потом в ней заиграли воспоминания — наверное, потому, что у неё никогда не было на них времени. Сейчас прошлое страстно и неудержимо рвалось наружу.

Она рассказывала о детстве, о смерти матери, о страхе, который нагонял молодым лягушатам инспектор Хорнберг, перевела речь на жизнь в русской гимназии, на свой танец после смерти царя Александра и на тайную захватывающую войну с «Майеркой». Потом она весело представила Броньке свою семью: отца, учёного и любителя стихов, Хелю, которая взяла на себя её уроки, разбросанные по Варшаве, потом она заговорила о тёзке девушки, которая уже прогуливалась по парижским улицам, и обе искренне вздохнули, вспомнив, что где-то есть мир, в котором девушки обучаются тому, чему хотят.

Наконец речь дошла до Юзефа, который изучает медицину в варшавском университете и всё учит дважды: к экзаменам — на русском, для себя — на польском. До этой минуты Бронька сосредоточенно сидела и жадно ловила каждое слово. Затем она вдруг взорвалась:

«У меня тоже есть брат в варшавском университете! О, мадемуазель, вы познакомились только с половиной нашей семьи! Нас не счесть. Кроме нас четырёх здесь есть ещё три брата в Варшаве — двое в пансионате и самый старший, Казимир, в университете. Я вам его покажу.»

Со смешной детской хвастливостью она вытащила из столика фотографию юноши с мягкими полными губами и весёлыми глазами, которые и на сером снимке напоминали глаза

Брони, всё ещё полные восхищения.

«Подождите, пока он не приедет на Пасху! Он вам понравится! О, Казик нравится всем девушкам на расстоянии десяти миль», — рассмеялась она. «А как он танцует! И знаете, мадемуазель, что через неделю — даже уже раньше, чем через неделю — мы поедем на бал в Карвач? Это здесь недалеко, там дают отличные балы. Вы должны поехать с нами! Должны!»

Молоденькая учительница слабо улыбнулась и покачала головой в знак несогласия. Если бы она и хотела поехать, у неё нет подходящего платья.

«Ни малейшего беспокойства!», — замахала обеими руками разгорячившаяся Бронька. Она открыла огромный резной шкаф возле дверей, и Мария увидела пёстрый ряд платьев, плотно развешенных друг за другом, как органные трубы.

«Выберите одно для себя! У меня их достаточно! Мы подгоним его вам по размеру! Или, может, вы не танцуете?», — вдруг испугалась она.

«Танцую, и мне это нравится», — призналась Мария. «Но пока я, пожалуй, не смогла бы слышать танцевальную музыку со спокойной душой. Дома в моём шкафу висит платье, приготовленное для танцевального вечера, на котором я должна была попрощаться с Варшавой. Это было пять дней назад. Пойдёмте, я расскажу вам, почему до танцев не дошло!»

Она отвела Броньку к изящному диванчику, обтянутому полосатой парчой. Они уселись, и Мария Скłodовская медленно и всё с большим волнением рассказывала о ночи, которая наполнилась горем, а не радостью. Девушка слушала, почти не дыша от страха. Она была тронута ужасающим концом молодой жизни, ловила знаки загадочной революционной деятельности. Бунт, восстание, сопротивление — сердце какого поляка не забилось бы чаще при таких словах! И она тут же стала выманивать у своей учительницы признание, участвовала ли она тоже в подпольном движении.

Маня скромно промолчала о том, что небезопасно одалживала свой заграничный паспорт, так как не считала это никакой заслугой. Она скорее старалась погасить в Броне бунтарский огонь.

«Разве часть каждого поколения должна умереть в бесполезных боях или в тюрьме? Сейчас мы незаметно проводим революцию. Мы обучаемся сами и обучаем людей. У таких девушек, как вы, уже есть, как правило, свой тайный кружок детей или молодых людей и девушек в Варшаве, где они обучают их польской грамматике и литературе.»

Лицо Брони загорелось:

«А у вас — у вас тоже был, мадемуазель?»

«Тоже», — кивнула Мария без малейшей тени гордости. «Я вела кружок молодых женщин-рабочих с большой швейной фабрики. Я читала им лекции, одалживала книги, пробуждала в них любовь к чтению. Я выпрашивала для них книги во всех знакомых семьях. В конце концов у нас уже была порядочная библиотека.»

Бронино восхищение новой учительницей росло. От неё как будто бы веяло широкими горизонтами, великими мыслями, героическими судьбами. По календарю она лишь на полгода старше неё, однако по опыту — на целое десятилетие.

И Маня растаяла, когда прочитала в глазах Брони восхищение и любовь. И на языке у неё вертится признание о своём самом главном желании — изучать, учиться, она чуть было не рассказала о своей последней мечте — заработать столько, чтобы она с большой вероятностью смогла поехать в Париж вслед за сестрой, но её сдержал стыд. Она умела себя контролировать, жизнь с детства учила её укрощать чувства. Наверное, когда-нибудь потом из её уст вырвется и это признание, но сейчас нужно сохранить тайну за семью печатями.

Так прошёл первый день новой Маниной службы. И последующие дни и недели были похожи на него как две капли воды. Утомительные, не слишком интересные уроки с ленивой Анджей — и обучение, прерываемое оживлёнными спорами, когда приходила очередь Броньки.

В дни, которые бы в ином случае были скучными, как крестный ход верующих в одинаковых серых одеяниях, нередко вмешивались чрезвычайные события. В доме даже слишком часто объявлялись гости, и затем гостеприимность хозяев дома охотно разрушала твёрдый распорядок дня, бывало, и на несколько дней. Анджа сполна использовала суматоху таких дней, чтобы улизнуть от рабочего столика. И Бронька считала каждый приход гостей таким важным, что забывала про свои уроки.

Вдобавок было время мясопушта, и «кулиги» проводились и здесь, пусть и не с таким размахом, какой познала Маня у дяди Здислава.

И в Щуках зима не могла пройти без должного домашнего бала — так на паркете закружилась и молодая воспитательница. Для солидарности с Бронькой и ещё потому, чтобы не поддерживать разговоры, которые ходили о её закрытости и гордости, она появилась и на нескольких танцевальных вечерах по соседству.

Однако на них она не испытала пьянящее головокружение, как на своих первых деревенских балах. Хотя Маня всегда танцевала с охотой, она быстро начала терять её усилиями бездушных, недохотворённых сынков из местных дворянских семей. Благодаря многочисленным тренировкам они были отличными танцорами, но им не хватало воодушевлённости. То же самое она замечала и у девушек. Многие из них были щедро

наделены смекалкой и остротой суждения, однако использовали эти дарования только для зловонного злословия. В этом для них были примером почтенные маменьки, которые в углу зала без устали разводили свои клеветнические трали-вали.

Духовная жизнь богатого общества была подобна мутному неприметному ручейку, из которого нельзя пить. Но одну радостную находку Мария всё же унесла с этих мясопустных маскарадов. С помощью молчаливого сравнения она пришла к смешному открытию, что она очутилась в единственной в округе образованной семье.

Пан Земиньский, безусловно, не был сторонником идей, от которых в те годы содрогалась культурная Варшава. Его не интересовали слова «вопрос рабочих», «социализм», «мировая революция», но он был терпимым к каждому новому мнению и в управлении имуществом и сахарным заводом был хорошо осведомлён и о новейших открытиях. А если речь шла о его супруге, Маня постепенно училась обращаться с ней. Она не была злой, а лишь гордой благосостоянием, которым изобиловал дом. Также образование бывшей учительницы возвышало её над болтливymi дамами в округе и повышало градус её гордости.

Зато Броньку Мария оценила, как настоящее сокровище. Они становились всё ближе и ближе друг к другу. Ученица льнула к учительнице, а учительница — к ученице. Поэтому Мария могла спокойно жить в доме Земиньских. К сожалению, её мозг был устроен несколько иначе, чем обычно бывает у девушек её возраста. Она не могла приглушить свой внутренний голос — голос, который призывал получать всё более глубокое образование.

После вечеров, которые оставались для неё единственно свободными, если не приходили какие-то гости, она жадно бросалась на книги, которые она привезла или одолжила. В полудрёме она глотала физику, химию, новые науки о человеческом обществе, математику.

Но часто эти занятия при свете маленькой керосиновой лампы вызывали в ней ощущение пустоты и тщетности. Она довольно ясно чувствовала, насколько быстрее она бы шла вперёд, если бы могла слушать лекции, задать вопросы о непонятных вещах и посоветоваться об идеях, которые во время обучения появились в её вдумчивой голове. Книга может быть учителем, но не умеет отвечать, даже если ученик мучительно спрашивает.

Ей всё чаще и чаще казалось, что она будет жить здесь, как на дне колодца, из которого ничего не видно, разве что недосыгаемое небо. Каждый месяц она посылала Броне половину своего жалованья, иногда и больше, но накопить что-то для себя самой ей было уже не так легко. Хотя она и ничего не тратила на еду, она должна была многое докупить для своего убогого гардероба, платить за починку обуви, заказывать книги. Деньги приходили лишь одним-единственным потоком, но утекали множеством струек, крошечных, но

беспрерывных.

Больше, чем затруднительное положение с деньгами, её угнетал страх, что в этом сытом доме она станет жертвой духовного ничтожества. Когда-то она полушутливо уверяла Броню, что является самой глупой девушкой на свете, сейчас ей казалось страшной реальностью то, что её запас знаний высыхает и высыхает. Ей не хватало Варшавы, домашней обстановки, в которой она выросла, и где наука, музыка и хорошие стихи имели равное право на жизнь. Естественная тоска человека, которого судьба внезапно закинула в чужую среду, ещё возросла из-за этой жажды культуры. Вот бы она могла заскочить в Варшаву хотя бы на один-два дня!

Незадолго до начала Пасхи она попросила короткий отпуск. Она хотела посоветоваться с отцом и поделиться своими заботами с Казей и Хенрикой. Однако её план огорчил Броньку: «Жалко! На Пасху приедет Казимир — из нас бы вышла весёлая троица!»

Маня утешила её. У студентов в Польше пасхальные каникулы в два раза длиннее. Сначала освящаются католические праздники и только через две недели после них начинается православная Пасха. А варшавский университет придерживается обоих. Если Маня вернётся через четыре-пять дней, она познакомится и с любимым братом Брони. Из-за стольких дифирамб Казимиру в ней проснулся некий интерес, смешанный однако с подозрением, что она увидит франта, духовный уровень которого не будет намного выше, чем у тех дюжин болтунов, с которыми она познакомилась на балах.

Она уехала в ночь на Великий четверг и вернулась во вторник после праздников. Она надышалась варшавским воздухом, поделилась большей частью своих бед с чуткими подругами и унесла с собой мудрое отцовское назидание:

«Всякий раз когда у человека возникает ощущение пустоты и безутешности жизни, это его вина. Вокруг нас всегда достаточно близких, которые нуждаются в чьей-то помощи. Начни, жертвуй собой ради них, и ты сразу поймёшь, что твоя жизнь имеет смысл. А если ты вправду не найдёшь в округе никого нуждающегося, тогда здесь ещё есть великие мысли, которые ждут, чтобы кто-то им преданно служил.»

Мария записала себе в дневничок вывод из долгих дискуссий с отцом, но когда поезд уносил её всё ближе и ближе ко временному дому и когда она увидела в окошко безотрадную, голую равнину от горизонта до горизонта, её охватила старая тоска. А с ней и сомнения! Разве она не жертвовала собой ради человека, который был для неё самым любимым после отца? Не жила для Брони больше, чем для себя? И не была готова жертвовать собой ради самых прекрасных стремлений человечества?

Почему тогда из её души не исчез страх перед жизнью в Щуках и её пустотой? Наверное,

потому, что этой жертвенности пока мало? Но ради кого жертвовать собой — ленивой Анджи? Милой, но всё же чересчур простоватой Броньки? Она ведь могла уже давно уехать за границу, чтобы продолжать образование, будь у неё желание.

Впрочем, она с улыбкой вспомнила совет весёлой кузины Хенрики: «Влюбись! Сию же секунду влюбись! И потом ты увидишь, что мир не такой чёрный!»

У Хенрики был испробован свой рецепт счастливой жизни. Она не только влюбилась, но и уже готовилась к свадьбе. Такой совет для Марии был совершенно бесполезным. Она держала своё сердце на коротком поводке. Оно не так легко загоралось. Но её так развеселило воспоминание о Хенрике, что она хотя бы на мгновение подняла нос.

Кроме этого и возвращение началось довольно весело. На маленьком глинистом перроне Бронька схватила Марию в объятия. Откуда она здесь взялась? За грязным вокзальчиком стояла коляска со странным кучером. На козлах сидел весёлый на вид юноша, с небольшими усами и пышной копной тёмно-каштановых волос, которые упорно рвались на свет со всех сторон плоской студенческой фуражки.

«Казимир», — гордо сказала Бронька. Он соскочил с козел, вышел навстречу девушкам и галантно поклонился.

«Я думаю, что нам даже не нужно долго знакомиться. Бронька вам, конечно, рассказала о всех моих грехах и добродетелях, если таковые имеются. А я хорошо знаю вас из её писем. Собственно, она пишет мне только лишь о вас. Поэтому я всё знаю. Вы злая, вы ставите Анджу на колени и бьёте Броньку прутом по пальцам, когда она ошибается, играя на пианино. А это несправедливо, потому что она ни в одной композиции не сделала больше ошибок, чем в ней такта.»

Он говорил много и легкомысленно. Мария поняла, что он шутит, но как-то закрылась в себе. Она никогда не умела быстро сблизиться с новыми людьми. Она изучала, оценивала, взвешивала и только когда давала хорошую оценку, привязывалась всем сердцем. За Казимиром Земиньским она пока только наблюдала.

Ей было суждено ещё в дороге испытать многие его шалости. Где дорога была болотистой, он нарочно заезжал с коляской на самый край рва, наполненного болотом, и предсказывал обеим путешественницам падение в болотную воду. Он извинялся за то, что не контролирует лошадей, что не понимает их, но там, где был кусок сухой дороги, он показывал, в каких крепких руках он их держит. Он гнал породистых скакунов таким диким галопом, что у девушек захватывало дыхание, а на поворотах грозила опасность, что если они обе не вылетят из коляски, то по меньшей мере из неё выпадут Манины коробки и свёртки. Потом он снова разрешил коням идти, как им угодно, повернулся к ним спиной,

встал на колени на козлах и болтал с девушками.

Он не говорил глупости, среди шуток Маня заметила многие самостоятельные суждения и не одно умное наблюдение. Её сдержанность понемногу растворялась. Казимир был так похож на сестру, что Марии казалось, что на самом деле она знает его так же хорошо, как и Броньку.

На половине пути своеобразный извозчик внезапно изменил направление и, несмотря на Бронин крик, пустился с коляской куда-то вбок по грунтовой дороге. После двух километров резкой рыси между деревьями показался маленький замок — и девушки всё поняли. Казимир готовился остановиться у дружественной семьи помещика. Точно будет угощение и долгие беседы с местными девушками.

Отдых после долгого путешествия был приятным и растянулся на полтора часа. Марию это не удивило. Она уже знала, что в деревне не слишком спешат, а в этих безлюдных господских резиденциях, в сущности, совсем нет. Дворяне удобно жили среди своих крестьян, у мужчин было мало работы, у женщин — никакой. Зачем спешить?

Наконец обе девушки вновь стояли у коляски, но голос Казимира всё ещё щебетал где-то в столовой.

«Когда он уже попрощается?», — хмурилась Бронька. «Сегодня он уже достаточно навыворот! Он всегда такой, когда возвращается из Варшавы. Он как будто бы хочет возместить в деревне то, что потерял в университете. Мы должны ему что-то устроить, прежде чем он придёт!»

«Можно», — недолго подумав, весело сказала Маня. «Бронька, влезайте в повозку и смотрите, чтобы не потерялся ни один мой свёрток!»

Девушка охотно выполнила приказ. И едва она уселась, Мария вскочила на козлы, схватила вожжи и погнала лошадей. Три местные девушки, которые провожали гостей, вскрикнули от удивления и страха. Лошади были скакунами хорошей породы и слишком пылкими на неопытную руку. Разумеется, никто не подозревал, что женские ладони, которые сейчас ими управляют, такие опытные. Разве они не прошли обучение у дяди Ксаверия, одержимого любовью к лошадям?

Кроме того, Мария была намерена проехать немного и остановиться там, где заканчивался забор хозяйского сада. Но поездка обернулась несколько иначе. Сигнальный свист девушек наконец выманил Казимира из дома. Он пустился во всю прыть за коляской, не успевшей набрать высокую скорость в тот момент. Когда он, однако, добежал до самих козел, на которых гордо царствовала Мария, он взвизгнул от восхищения и собирался вскочить наверх. Но победного звука испугалась коренная лошадь, резко помчалась и подтолкнула к

бегству и свою спутницу.

Теперь лёгкая коляска стремительно летела по болотистой дороге, часто подпрыгивая и качаясь. Казимир изо всех сил бросился за ней. Он всё ещё что-то кричал, но Маня не понимала. Его голос всё больше и больше терялся где-то позади, а она была занята лошадьми. Зато она отчётливо разбирала страшные вопли своей ученицы, которая с трудом удерживала в коляске саму себя и подсакивающие свёртки. Мария сбоку заметила, как мелькают опоры изгороди, потом какие-то одинокие деревья, кусты. Потом началось поле.

К счастью, дорога была прямой, без поворотов, и Мария натягивала вожжи с такой силой, что разбушевавшаяся упряжка всё-таки понемногу замедляла свой полёт. Тем временем испуганный Казимир непрерывно бежал по болотистой дороге по следам коляски. И когда повозка почти остановилась, он неожиданно очутился на козлах.

«Вожжи! Дайте мне вожжи!», — запыхавшись, выдохнул он.

«Нет!», — упрямо мотнула головой девушка. «Я умею это так же хорошо, как и вы.»

Минуту он молча наблюдал, как её маленькие руки умело и крепко правят поводьями. Потом он одобрительно заявил:

«Вы и вправду это умеете!»

«Полагаете?», — ответила она с лёгкой улыбкой. «Искусство — это не испугать лошадей, а остановить их!»

«Где вы этому научились?»

Она улыбнулась и не ответила, разве что пожала плечами.

«А в седле вы умеете ездить?»

«Вы считаете это великим чудом?»

Он помолчал мгновение, а потом начал считать на пальцах и говорить сам с собой:

«Она умеет управлять упряжкой, ездит на лошади, знает пять языков, разбирается в математике, прогоняет химию с моим отцом, она, говорят, отлично танцует и хорошо катается на коньках.» Потом он обратился к своей соседке: «Вы бы не хотели мне сказать, что, собственно, вы не умеете? Это было бы короче, чем пересчитывать то, что вы умеете! Вы бы не хотели кроме Броньки и Анджи учить и меня тоже? Начнём, например, с управления лошадьми.»

При этих словах он положил свою ладонь на Манину руку, как будто бы хотел поучаствовать в управлении коляской.

Маня подтянула вожжи, крикнула на лошадей и остановила коляску.

«Передаю вам власть», — сказала она, и её щёки порозовели. «Я пойду снова сяду к Броньке.»

Она исчезла с козел как по дуновению ветра.

2. Комментарий к переводу

2.1 Анализ текста оригинала

2.1.1 Об авторе

Антонин Згорж (18.1.1896 Росице — 31.3.1965 Брно) был чешским писателем, иллюстратором и искусствоведом. Учился в родном городе, работал учителем. Участвовал в первой мировой войне. Писал для детей и молодёжи, в т. ч. под псевдонимом Павел Чермак. В 1929 году основал собственное издательство для детей и молодёжи Eros. Также работал в журналах для детей, таких как *Vlašťovka* и *Brouček*. Известен своими биографическими романами о М. Склодовской-Кюри, Б. Немцовой, Л. В. Бетховене, Я. Чермаке и А. Линкольне и многочисленными произведениями для детей. В 1939 году получил премию Рамбоуска. В 1947 году выиграл в конкурсе на лучшую книгу для молодёжи, проводимом издательским домом *Mladá fronta*. [21]

2.1.2 О книге

2.1.2.1 Общая характеристика и тематика

Книга Антонина Згоржа «Упрямая Мария» была впервые издана в 1947 году издательством *Komenium*. Это было далеко не первое произведение автора, уже завоевавшего признание читателей книгами для детей и молодёжи. В его описание жизни Марии Склодовской-Кюри не включены все её письма, как, например, в книге Евы Кюри «Мари Кюри» [15].

Несмотря на то что о Марии Склодовской-Кюри уже написано множество книг, статей и публикаций, книга могла бы быть интересна российскому читателю, т. к. автор описал жизнь великой учёной так, чтобы произведение могли читать и юные читатели. Чтобы сделать текст более «живым», писатель включил в книгу диалоги, письма, художественное описание внешности людей из окружения Марии и другие детали.

Стоит также сказать несколько слов о самой Марии Склодовской-Кюри. Она родилась в 1867 году в Варшаве, в семье учителя гимназии и была младшей из пятерых детей. В детстве ей пришлось дважды столкнуться со страшной трагедией — смертью близкого человека. Рано умерли её мать и старшая сестра Зофия. В том числе и эти события подорвали её веру в бога (хотя мать и дала дочерям католическое воспитание) и укрепили веру в науку. Мария с детства была прилежной ученицей, о чём свидетельствует золотая медаль, с которой она окончила гимназию. Поскольку в Российской империи женщины не имели права получать

высшее образование, она, одолеваемая жаждой получить более глубокие знания, тайно посещала подпольные курсы «Летучего университета». При этом она мечтала поступить в Сорбонну и сожалела, что не может накопить достаточную сумму, чтобы оплатить обучение и обеспечивать себе жизнь во Франции. Затем она нашла выход из положения: она договорилась со своей старшей сестрой Брониславой, что будет несколько лет работать гувернанткой и зарабатывать для сестры деньги, пока она будет учиться в Париже. Когда же Бронислава станет врачом, Мария тоже поедет в Париж.

Мария поступила в Сорбонну в 1891 году, где изучала физику и химию. Она занималась так усердно, что получила сразу два диплома — по физике и по математике. Во время обучения она пренебрегала своим здоровьем, экономила буквально на всём и часто забывала поесть. Обратив на это внимание, её сестра Бронислава, успевшая к тому времени уже выйти замуж за врача и получить медицинское образование, взяла сестру под свою опеку.

В 1894 году она познакомилась с Пьером Кюри, который на тот момент уже был широко известен в научных кругах. В 1895 году они поженились, в этом браке родилось две дочери: Ирен (1897), которая впоследствии также занималась научными исследованиями, и Ева (1904), ставшая пианисткой, журналисткой и писательницей. Позднее Мария Склодовская (уже Склодовская-Кюри) защитила докторскую диссертацию на тему радиоактивности.

В 1903 году совместно с мужем Пьером Кюри и физиком Антуаном Анри Беккерелем получила Нобелевскую премию по физике за исследования явлений радиации. Через три года её муж трагически погиб под колёсами конного экипажа. Мария отдала дань уважения мужу и написала его биографию и продолжила научные исследования уже одна. В 1911 году она стала дважды лауреатом Нобелевской премии, на этот раз была отмечен её труд в области химии.

Во время Первой Мировой войны она трудилась на фронте, создавая радиологические установки и переносные рентгеновские установки для помощи раненым, в чём ей помогала её подросшая дочь Ирен. Однако долгие годы непрерывной работы с радием негативно повлияли на здоровье Марии, и в 1934 году она скончалась от хронической болезни: апластической лучевой анемии.

Пожалуй, ни одна женщина-учёный не пользовалась таким уважением и не была так известна, как Мария Склодовская-Кюри: помимо двух Нобелевских премий она была отмечена рядом других престижных наград и получила 20 почётных степеней.

Для перевода были выбраны три главы: «Летучий университет», «Мрачная ночь» и «Деревенская учительница». В них рассказывается о периоде становления Марии, о том, как она посещала подпольные курсы «Летучего университета», работала воспитательницей и

губернанткой и помогала своей подруге Леониде Куницкой пережить страшную ночь перед казнью её брата Станислава.

2.1.2.2 Стиль и жанр

Биографический жанр — это форма литературно-художественного или научно-документального жизнеописания истории конкретной личности и её индивидуальной судьбы. [17] Книга Антонина Згоржа «Упрямая Мария» относится к литературно-художественной форме биографического жанра, т. к. содержит множество художественных деталей и определённую долю художественного вымысла. Автор не просто сухо излагает факты из жизни Марии Склодовской-Кюри, а заставляет сопереживать героям, пытается объяснить те или иные их поступки и вызывает у читателя различные чувства и эмоции.

Одной из главных особенностей художественного стиля является наличие в нём индивидуального (авторского) стиля. Главными задачами художественного стиля являются передача мыслей и чувств автора и воздействие на читателя благодаря использованию богатой лексики и средств художественной выразительности. Таким образом, для художественного стиля характерно использование широкого спектра лексических средств, в т. ч. намеренное их столкновение, неприятие шаблонных слов и выражений, использование слов в переносном значении и наличие эмоционально-окрашенных слов. [25] Это могут быть как элементы разговорного стиля, так и, например, научного или публицистического, а также архаизмы и историзмы (если автор обращается к прошлому), неологизмы (в случае, если автор обращается к будущему) и окказионализмы.

Особенностью синтаксиса художественного текста является то, что «художественная речь опирается на сложившуюся норму, но одновременно эту норму расшатывает и деформирует, устанавливая какие-то новые связи». [9] В связи с этим автор может использовать весь арсенал синтаксических средств и различные стилистические фигуры, такие как парцелляция (разделение синтаксической конструкции на простые элементы, часто с нарушением нормы), инверсия (обратный порядок слов), риторическое восклицание и др. Для художественного текста также характерно использование фразеологизмов (разговорного и книжного характера) — устойчивых словосочетаний, придающих тексту эмоциональную окраску.

Что касается морфологических средств, в тексте художественного стиля отмечаются использование словоформ, в которых проявляется категория конкретности, частотность глаголов, пассивность неопределённо-личных форм глаголов, форм 3-го лица, незначительное употребление существительных среднего рода по сравнению с

существительными мужского и женского рода, формы множественного числа отвлечённых и вещественных существительных, а также широкое употребление прилагательных и наречий. [25] Художественному тексту присущ глагольный характер, т. е. он насыщен глаголами, что связано с динамичностью и выразительностью художественной речи. Глаголов в художественном тексте в 1,5 раз меньше, чем существительных. [4]

Чтобы объяснить, почему мы можем отнести данный текст к художественному стилю, приведём несколько примеров. Антонин Згорж даёт художественное описание внешности некоторых героев:

„Její hubenou tvář ovládal jako diktátor mohutný nos, podobný železnému háku na lámání větví. Zdálo se, že všechny ostatní části obličeje jsou mu podřízeny a zanikají v jeho stínu. Jen oči, zbarvené zvláštní fialkovou modří, žily svým vlastním životem.“ [О, стр. 75]

«Её худым лицом правил, как диктатор, массивный нос, похожий на железный крюк, предназначенный для того, чтобы ломать ветки. Казалось, что все остальные части лица ему подчиняются и теряются в его тени. Только глаза, необычного цвета фиалковой голубизны, жили своей собственной жизнью.» [П, стр. 9]

„Všetchna tři děvčata Sklodovských platila mezi známými za hezká, avšak v Helenině postavě i tváři jako by všechno dědictví rodové krásy bylo sečteno a podtrženo. Zteplou postavou vynikala nad obě dívky. Máňu převyšovala div ne o celou hlavu, Bronju o půl. Útlá v pase, pružná jako mladá břízka, měla pohyby, v nichž vždycky dřímalo cosi hravého. Z jemných rysů tváře zářily velké šeděmodré oči, rozsazené od sebe nezvykle daleko. To dávalo jejímu obličejí milý, skoro dětský výraz.“ [О, стр. 87]

«Знакомые считали красавицами всех сестёр Склодовских, но в лице и фигуре Хелены было как бы собрано и подчеркнуто всё наследие родовой красоты. Изящной фигурой она превзошла обеих девушек. Она была выше Мани чуть ли не на целую голову, Броню — на полголовы. Благодаря тонкой талии и гибкости молодой берёзки, в её движениях всегда было что-то игривое. На лице с тонкими чертами сияли большие и непривычно далеко посаженные серо-голубые глаза. Это давало её лицу милое, почти детское выражение.» [П, стр. 19]

2.1.2.3 Лексические особенности

Для художественного стиля характерно использование литературного языка. Встречается

и книжная лексика, приведём примеры: союзы *ba, leč, neboť*, деепричастия: *jdouc, zajíkajíc*, относительные местоимения *jenž* и *jež*, частица *-li*: *bude-li, mám-li* и т. п.

Однако ранее мы упомянули о том, что для художественного стиля также характерно намеренное столкновение лексических средств. Приведём примеры лексики разговорного стиля: *kdežpak, jakpak, vid'te, co* и т. п. Также в данном тексте присутствуют эмоционально окрашенные слова и словосочетания: *tajmůstkářství, brumlat, vyrazit vydýchaně, třesky plesky* и т. д.

В тексте присутствуют фразеологизмы как разговорного, так и книжного характера, напр., *tajemství po sedmi zámky, leží těžce na srdci, jako by ji vítr sfoukl* и пр. Употребление фразеологизмов характерно для художественного стиля.

Далее, в разделе «Переводческие проблемы и методы их решения» будут анализированы проблемы перевода цитат, несколько раз встретившихся в тексте. Равным образом мы обратим внимание на антропонимы и топонимы, которые были широко представлены в тексте и представляли определённые трудности для переводчика.

2.1.2.4 Синтаксические особенности

В той причине, что текст относится к детской литературе, он обладает простой структурой: в нём нет сложных конструкций и слишком длинных предложений. Действительные обороты преобладают над страдательными (пассивными) оборотами. В тексте широко представлены наречия и прилагательные. Для текста также характерны образность и метафоричность, частое использование сравнений, например, при описании каких-то событий:

„Vzduch byl tak čistý, že se zdálo, jako by ty zkroucené borovice byly na dosah ruky. Lezli jsme výš, výš, ztratili jsme se mezi skalami a najednou se nad námi vyvstal černý mrak. Začalo pršet, prudce, jako by celé sloupy vody padaly.“ [О, стр. 93]

«Воздух был такой чистый, что казалось, будто до тех скрученных сосен можно было достать рукой. Мы полезли выше и выше, потерялись среди скал, и вдруг над нами повисла чёрная туча. Начался проливной дождь, как будто с неба падали целые столбы воды.» [П, стр. 23]

Автор выражает своё отношение к героям книги: это доказывает уже то, что он называет

Марию *Mária*, а Брониславу – *Broña*, т. е. использует уменьшительно-ласкательные имена.

Поскольку были определены лексические и синтаксические особенности текста, на их основании мы можем выбрать переводческую концепцию.

2.2 Переводческая концепция

А. Паршин в своей книге «Теория и практика перевода» [16] утверждает, что «ситуативный (экстралингвистический) контекст включает обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает реципиенту и переводчику правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании» и что «использование переводческих соответствий всегда предполагает учёт контекста, в котором употреблены переводимые единицы оригинала.» То есть важно учитывать, когда, где и в рамках какой культуры был написан текст и когда, где и в рамках какой культуры возникнет его перевод. Также необходимо учитывать факты реальной действительности. Текст оригинала является неизменным, но реципиент меняется.

В случае перевода отрывка из книги «Упрямая Мария» наблюдается сильный временной сдвиг, т. к. данная книга была издана в 1957 году, а перевод выполнялся в 2016 году. Наравне с этим происходит изменение обстановки, т. к. в книге описываются реальные исторические события, происходящие во второй половине 19 века в Польше; следовательно, текст переносится в другую традицию. Таким образом, у реципиента может возникнуть непонимание чужой культуры, то есть одной из задач переводчика было дать представление читателю о польской культуре.

Применённую переводческую концепцию мы можем назвать комбинированной, т. к. при переводе были использованы приёмы экзотизации и адаптации. При этом не были утрачены оригинальность текста и авторский стиль. В текст были включены необходимые пояснения.

2.3 Переводческие проблемы и методы их решения

2.3.1 Лексический уровень

2.3.1.1 Имена собственные

2.3.1.1.1 Антропонимы

Антропоним — это имя собственное или любое собственное имя, которое может иметь

человек (группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним и т.д. [8]

В тексте мы достаточно часто сталкиваемся с антропонимами — в большинстве случаев это имена и фамилии польского происхождения. Стоит обратить внимание на тот факт, что в тексте мы имеем дело с чешским вариантом их написания. При переводе на рус. яз. необходимо изучить уже существующие переводы, в которых встречаются имена и фамилии польского происхождения [напр., 15], и найти в них необходимые традиционные соответствия, т. к. речь идёт об исторических событиях. В случае, если переводчику не предоставляется возможным найти необходимые традиционные соответствия или речь не идёт об исторических событиях, он вправе использовать приёмы транскрипции, т. е. воспроизведения звуковой формы иноязычного слова, или транслитерации, т. е. воспроизведение графической формы [16], но при этом приём транскрипции чаще применяется переводчиками.

Среди имён и фамилий, не вызвавших затруднений, мы можем выделить следующие: *Броня, Здислав, Казимир, Костя, Леонида, Лоя, Маня, Мария, Станислав, Хелена, Хенрика, Юзеф, Гейне, де Флэри, Земиньский, Крашиньский, Куницкий, Мицкевич, Норблин, Сикорская, Скловдовская, Пржиборовская, Пьясецкая, Чарторыйские, Хорнберг*. Для них в русском языке существуют традиционные соответствия. В некоторых других случаях был применён приём транскрипции: *Анджа, Казик, Марихна, Сташек*. Аналогами уменьшительно-ласкательных имён *Kazi, Ula* и *Hela* в русском языке являются *Казя, Уля* и *Хеля* соответственно.

2.3.1.1.2 Прочие имена собственные

В тексте встречаются не только антропонимы, но и топонимы: названия рек, деревень, городов, стран и др., перевод большинства которых не составил затруднений, поскольку они имеют прямые эквиваленты в русском языке, например: река Висла, город Варшава, город Париж, город Санкт-Петербург, Австрия, Польша, Франция, Замковая площадь, Краковское предместье, Кавказ, Сибирь, Скальбмерж, Щуки и т. п. Однако в некоторых случаях возникла проблема при переводе, т. к. было необходимо выбрать между несколькими вариантами. Так, эквивалентами словосочетания *Staré město* могут быть «Старый город» и «Старое място». С последним вариантом перевода мы можем встретиться, к примеру, в выше упомянутой книге Евы Кюри «Мари Кюри». Однако для российского читателя, тем более для юного (в оригинале книги содержится пометка «для читателей от 11 лет»), вариант «Старый город» предпочтительнее, т. к. обеспечивает читателю абсолютное понимание

словосочетания без дополнительных разъяснений и не является барбаризмом. В связи с этим было решено использовать в переводе словосочетание «Старый город».

Также перед нами стояла задача выбрать из трёх вариантов перевода словосочетания *potulná universita*: «бродячий университет», «Вольный университет» и «Летучий университет». «Бродячий университет» — это дословный перевод авторского наименования, однако мы сочли его неподходящим, т. к. в русском языке слово «бродячий» не ассоциируется с университетом (в рус. яз. закрепились выражения «бродячий цирк», «бродячая натура», «бродячий музыкант»). В связи с этим мы решили узнать, существует ли устоявшееся название подпольного учебного заведения, которое посещала в юношеские годы М. Склодовская-Кюри. В книге Е. Кюри употребляется название «Вольный университет». Мы решили отклонить этот вариант, т. к. это перевод названия официального учебного заведения (Свободный польский университет — *Wolna Wszechnica Polska*), существовавшего в период с 1918 по 1952 годы и возникшего на базе курсов «Летучего университета», но не сам «Летучий университет», появившийся и функционировавший намного раньше. Выбор варианта «Летучий университет» объясняется тем, что это перевод с польского словосочетания *Uniwersytet Latający* — данное название употребляется, к примеру, на мемориальной табличке на здании бывшего Свободного польского университета в Варшаве. Ещё одним аргументом в пользу данного выбора было мнение авторитетных носителей польского языка, утверждающих, что в письменной и устной речи они используют именно термин «Летучий университет».

В тексте присутствует ещё одно название учебного заведения — *vysoká železniční škola*. Изучив биографию Станислава Куницкого на русском языке, мы узнали, что он обучался в *Институте путей сообщения*.

В тексте также упоминается молитва «Отче наш». Стоит отметить разницу в оформлении названий в чешском и русском языках. В чешском языке для оформления названия кавычки не обязательны: название оформляется с помощью заглавной буквы и может выделяться курсивом; в русском языке, напротив, для оформления названия обязательны кавычки.

2.3.1.2 Титулы, обращения и профессии

При переводе мы встретились с некоторыми титулами, перевод которых не вызвал затруднений, поскольку они все известны в русской культурной традиции. Например:

„Z nedalekého parku při paláci hrabat Krašišňských zaznívá něžné šumění stromů.“ [О, стр. 80]
«Из близлежащего парка при дворце графов Крашиньских доносится негромкий шум деревьев.» [П, стр. 14]

„Připomínala si poslední ples na zámečku hraběnky de Fleury [...]“ [О, стр. 91]
«Она вспоминала последний бал в особняке графини де Флэри [...]» [П, стр. 21]

„[...] pan Přiborovský vupůjčí kočár hraběte Zamojského [...]“ [О, стр. 91]
«[...] пан Пржиборовский позаимствует карету графа Замойского [...]» [П, стр. 21]

Было необходимо принять решение, как переводить встречающиеся в тексте обращения *pan* и *paní*. С одной стороны, их можно было перевести как *господин* и *госпожа* или же *сударь* и *сударыня*, что являлось вежливыми обращениями к мужчине и женщине в Российской империи [23]. Однако было принято решение оставить обращения «пан» и «пани», т. к. в переводе иностранной литературы на рус. яз. обычно используются обращения, принятые в конкретной стране, напр., фрау, мэ, сэ и т. п. Например:

„Seskupily se kolem ní hned tři bytosti, dychtivé potěšit: Kazi, její mladší sestra Ula, i sama paní Přiborovská.“ [О, стр. 85]

«Вокруг неё тут же собирались три существа, жаждущие ей угодить: Казя, её младшая сестра Уля и сама пани Пржиборовская.» [П, стр. 17]

В одном случае было решено перевести слово *pan* как «хозяин», т. к. оно лучше подходит для контекста:

„Náš pan,“ říkala a výraz „náš pan“ byl prosáklý pohrdáním [...]“ [О, стр. 85]

«Наш хозяин», — говорила она, и выражение «наш хозяин» было пронизано презрением [...]» [П, стр. 17]

Что касается обращения *slečna*, мы перевели его не как «панна», как принято обращаться к девушкам в Польше, а как «мадемуазель». Рассмотрим значение этого слова в толковом словаре Ушакова [24]:

МАДЕМУАЗЕЛЬ и мадмуазель (зэ), ж. (фр. mademoiselle) (дореволюц.)

1. нескл. Слово, присоединяемое к фамилии девушки аристократического, буржуазного круга, в знач. барышня, девица. || Слово, употр. в вежливом обращении к такой девушке. 2. нескл. и (простореч.) мадемуазели. Вообще барышня, девушка. 3. нескл. и (простореч.) мадемуазели. Гувернантка в барском доме, преимущ. иностранка (устар.)

Таким образом, мы видим, что слово «мадемуазель» употреблялось в Российской империи (куда в то время входили и губернии Привислинского края) в качестве вежливого обращения к девушке, а также в значении «гувернантка». По этой причине во всех случаях оно подходит для контекста:

„Máňa mimoděk vzpomněla na tajný zvonkový signál ve škole slečny Sikorské.“ [О, стр. 72]
«Маня невольно вспомнила секретный звонковый сигнал в школе мадемуазель Сикорской.»
[П, стр. 9]

„Mezi děvčaty se už dávno šuškal, že srdce slečny Pjasecké není tak docela klidné, když se v „potulné universitě“ objeví on.“ [О, стр. 75]

«Девушки уже давно шептались между собой, что сердце мадемуазель Пьясецкой не совсем спокойно, когда он появляется в «Летучем университете».» [П, стр. 10]

„Ó slečno, vy jste poznala teprve polovinu naší rodiny!“ [О, стр. 105]

«О, мадемуазель, вы познакомились только с половиной нашей семьи!» [П, стр. 30]

В чешском языке образование существительного женского рода от существительного мужского рода, обозначающего должность или профессию, является естественным и не используется только за редким исключением. В русском языке существительные, обозначающие должность или профессию, чаще употребляются только в мужском роде, даже если мы говорим о женщине, а глагол может согласоваться с существительным как по форме, так и по смыслу.

„Byl profesorky Pjasecké byl stále provoněn tajemstvím.“ [О, стр. 75]

«Квартира профессора Пьясецкой была постоянно окутана тайной.» [П, стр. 10]

Также представляется возможным добавить приложение «-женщина/женщины» к существительному мужского рода, обозначающему должность или профессию. Мы

воспользовались этим приёмом в следующем случае:

„*Tentokrát proti ponižujícímu zacházení s ženami dělnicemi.*“ [О, стр. 88]

«*На этот раз против унижительного обращения с женщинами-рабочими.*» [П, стр. 20]

2.3.1.3 Фразеологизмы

Фразеологизм — это устойчивый оборот речи, свойственный определённому языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов. [3] Нашей задачей при переводе было найти необходимые аналоги фразеологизмов в русском языке.

Фразеологизмы, встречающиеся в тексте, не вызвали проблемы при переводе, т. к. все из них имеют аналоги в русском языке. Например:

„*Och, Broňa leží Máně těžce na srdci!*“ [О, стр. 81]

«*Ох, Броня каменем лежит у Мани на сердце!*» [П, стр. 14]

„*Něco přidá taťka – to víš, že by dal poslední košili s těla!*“ [О, стр. 82]

«*Кое-что добавит папа — ты знаешь, что он бы отдал последнюю рубашку!*» [П, стр. 16]

„*V těch dnech tanečních příprav se život jevil děvčatům jako růžová přímka načrtnutá do budoucna lehoučkým štětcem. V téže době kreslily mocné ruce ve varšavské pevnosti jiným lidem černou čáru do nejbližších dnů.*“ [О, стр. 91]

«*В те дни подготовки к танцам жизнь казалась девушкам белой полосой, лёгонькой кистью начерченной на будущее. В то же время другим людям могучие руки в варшавской крепости рисовали чёрную полосу на ближайшие дни.*» [П, стр. 21]

„*Jestli je to daleko? Kdežpak, slečinko! Kousek!*“ [О, стр. 100]

«*Далеко ли? Куда там, девонька! Рукой подать!*» [П, стр. 27]

„*Snad se někdy později otevřou její ústa i k tomuto vyznání, zatím je třeba ponechat tajemství pod sedmi zámky.*“ [О, стр. 106]

«*Наверное, когда-нибудь потом из её уст вырвется и это признание, но сейчас нужно сохранить тайну за семью печатями.*» [П, стр. 32]

„*Zmizela z kozlíku, jako by jí vítr sfoukl.*“ [О, стр. 113]

«Она исчезла с козел как по дуновению ветра.» [П, стр. 38]

2.3.1.4 Цитаты

В тексте оригинала встретилось стихотворение немецкого поэта Г. Гейне из сборника «Книга песен». Несмотря на то что существуют переводы (напр., перевод М. Лермонтова) этого произведения на русский язык, мы не могли их использовать, так как перевод стихотворения принадлежит Марии Склодовской-Кюри: известно, что она увлекалась стихами и пробовала переводить свои любимые произведения. Нашей задачей было найти её перевод конкретного стихотворения, в связи с чем было направлено соответствующее обращение в «Российскую Государственную Библиотеку». В ответном электронном письме было сказано, что найти перевод стихотворения, выполненный Марией Склодовской-Кюри, не представляется возможным. Не обладая поэтическим талантом, мы решили выполнить построчный перевод стихотворения:

„Smrk stojí na severu
na holé skále sám,
v sních zabalen a v ledu
on tiše dříme tam.
Zdá se mu o smutné palmě,
jež mlčky touží v dál,
tam na východě kdesi
uprostřed horkých skal.“
[О, стр. 79]

«Ель стоит на севере
одна на голой скале,
закутана в снег и во льду
она тихо дремлет там.
Ей снится грустная пальма,
что молча стремится вдаль,
там, на востоке где-то,
посреди горячих скал.»
[П, стр. 13]

Текст оригинала также содержит отрывок из польской революционной и патриотической песни «С дымом пожаров», написанной польским поэтом К. Уейским:

*„S požárů dýmem lkavými zvony
k tobě, ó Pane, bije náš hlas.
Žaloba strašná, poslední stony —
z těch proseb věčných bělí náš vlas!
Bez žalob my už neznáme zpěvu,
trnový věnec vrost' v bledou skrář.
Jak věčný pomník božího hněvu
k obloze trčí prosící dlaň.“*

[О, стр. 96]

Было выяснено, что существует перевод данной песни на русский язык, выполненный К. Бальмонтом, и что существует как минимум одна его публикация — в газете «Утро России» от 2 февраля 1917 года. Для того чтобы получить копию нужной страницы газеты, мы связались с Управлением дополнительного обслуживания ФГБУ «РГБ». Полученный перевод был в дальнейшем модернизирован переводчиком в соответствии с новой орфографией (произошла замена буквы «Ѣ» на «Е», был исключён твёрдый знак на конце слов, в родительном падеже прилагательного было заменено окончание *-яго* на *-его* и т. п.):

*«С дымом пожаров, с кровью родимой,
Наш к Тебе, Боже, вихрится стон,
Жалобой страшной, неустрашимой,
Дух поседевший в пытке взметён.
Вот уж без жалоб нет нам напева,
Тернии врыты в наше чело.
Памятник вечный Божьего гнева,
Руку с мольбою к Богу взнесло.»*

[П, стр. 25]

В тексте встречается ещё одна цитата, но её происхождение не удалось установить. В связи с этим она была переведена дословно:

„*Otčiny volnost
ráč nám vrátit, Pane!*“

[О, стр. 99]

«*Отечества свободу
изволь вернуть нам, Господи!*»

[П, стр. 26]

2.3.1.5 Труднопереводимые слова и словосочетания

Перевод отдельных слов и словосочетаний на рус. яз. вызвал сложности. В следующем предложении мы встречаемся сразу с несколькими труднопереводимыми словами и словосочетаниями:

„*Pan advokát porozbíjel nedávno v opilosti řadu zrcadel v přední varšavské restauraci a nejedna stovka padla na ten junácký kousek.*“ [О, стр. 84]

«*Недавно пан адвокат, будучи пьяным, разбил несколько зеркал в выдающемся варшавском ресторане, и эта гусарская выходка стоила ему не одну сотню.*» [П, стр. 17]

Было затруднительно перевести словосочетание *v opilosti*, так как дословный перевод «в пьянстве» невозможен, а перевод «в состоянии алкогольного опьянения» больше подходил бы для текста, написанного в официально-деловом стиле, а не в художественном. Поэтому было решено провести замену части речи, т. е. превратить существительное с предлогом *v opilosti* в деепричастный оборот *будучи пьяным*, который сохраняет весь смысл оригинала. Во втором случае для *nejedna stovka padla na ...* эквивалентом является «*стоила ему не одну сотню*». Была изменена структура предложения: слово *stovka* в оригинале выполняло функцию подлежащего, а в переводе стало сказуемым. Словосочетание *junácký kousek* было решено перевести на рус. яз. как «гусарская выходка»: выходка, отличающаяся показной лихостью, молодечеством; это выражение наиболее точно и полно передаёт смысл оригинала.

Также был применён приём антонимического перевода. Например:

„*Nikdo ovšem netušil, že ženské dlaně, které je nyní ovládaly, tak nezkušené nejsou.*“

[О, стр. 111]

«Разумеется, никто не подозревал, что женские ладони, которые сейчас ими управляют, такие опытные.» [П, стр. 36]

„*Taková rada nebyla pro Marii nijak užitečná.*“ [О, стр. 110]

«Такой совет для Марии был совершенно бесполезным.» [П, стр. 35]

Следующие предложения вызвали сложности при переводе на рус. яз., т. к. слово *prodloužená* является примером безэквивалентной лексики, а глагол *roztočíš se* требует дополнения в русском языке. Поэтому была проведена лексико-грамматическая трансформация, а именно — приём экспликации (описательного перевода), а также был применён приём дополнения:

„*Sedmadvacátého ledna máme v tanečních prodlouženou. [...] Pojd'! Roztočíš se naposledy ve Varšavě!*“ [О, стр. 87]

«*Двадцать седьмого января у нас будут танцы допоздна. [...] Приходи! Закружись в последнем танце в Варшаве!*» [П, стр. 18]

2.3.2 Синтаксический уровень

Выше мы обратили внимание на то, что художественная речь как придерживается определённой нормы, так и нарушает её. В данном тексте автор использовал некоторые стилистические фигуры, к примеру, парцелляцию:

„*Bude se vzpírat! A zbytečně! Jiný lék nenajde. A najít nemůže, protože není.*“ [О, стр. 81]

«*Она будет сопротивляться! И напрасно! Всё же другого лекарства ей не найти. Не найти, потому что его нет.*» [П, стр. 15]

А также риторические высказывания, например:

„*Kolik let bude takto poletovat po Varšavě, než si opatří částku, s níž by si mohla sednout do vlaku na západ?*“ [О, стр. 81]

«*Сколько лет она ещё будет так порхать по Варшаве, прежде чем соберёт сумму, с которой она смогла бы сесть в идущий на запад поезд?*» [П, стр. 14]

В некоторых случаях был использован грамматический приём объединения предложений, так как второе предложение тесно связано по смыслу с первым (в первом, во втором и третьем случае вместе с тем был использован приём добавления, чтобы предложение звучало более естественно на русском языке). Например:

„Smělost i vtip, které z nich sálaly, začasťe pozorovatele máty. Tvář bez krásy zdála se jim náhle hezká.“ [О, стр. 75]

«Дерзость и лукавство, которые они излучали, зачастую сбивали с толку наблюдателя: благодаря им некрасивое лицо внезапно казалось прекрасным.» [П, стр. 9]

„Neřekla proč, neřekla co s ním míní, ale nebylo toho vůbec potřeba. V Mánině hlavě bylo jasno.“
[О, стр. 77]

«Она не сказала почему, она не сказала, что имеет этим в виду, но в этом не было никакой нужды, потому что Мане было всё ясно.» [П, стр. 11]

„Máňa skromně pomlčela o nebezpečném půjčování cestovního pasu. Nepočítala si to žádnou zásluhu. Snažila se spíše utlumit Brončín buřičský oheň.“ [О, стр. 106]

«Маня скромно промолчала о том, что небезопасно одолжила свой заграничный паспорт, так как не считала это никакой заслугой. Она скорее старалась погасить в Броне бунтарский огонь.» [П, стр. 31]

„Varšava byla protkána sítí nedovolených kroužků a spolků. Mezi Poláky o nich věděl kdekdo.“
[О, стр. 75]

«Варшава была пронизана сетью запрещённых кружков и объединений, и кое-кто из поляков знал о них.» [П, стр. 10]

„V dojemné snaze po úlevě nutí ji vypít trochu čaje, který přinesla stará služka. Ani ta nespí v této hrůzné noci.“ [О, стр. 99]

«После того как ей полегчало, они трогательными усилиями заставляют её выпить немного чая, приготовленного старой прислугой — даже она не спит этой ужасной ночью.» [П, стр. 26]

В русском языке притяжательные прилагательные не так распространены, как в чешском

языке, поэтому в некоторых случаях они были заменены, приведём примеры:

„Při nejmenším by však znamenalo prozrazení naprostou zkázu Mánina plamenného snu o cestě do Paříže.“ [О, стр. 77]

«Ведь разоблачение по меньшей мере означало бы полный крах пламенной мечты Мани — поехать в Париж.» [П, стр. 11]

„V těch dnech tanečních příprav [...]“ [О, стр. 91]

«В те дни подготовки к танцам [...]» [П, стр. 21]

„Život však usoudil, aby hraběcí kočár před dům Sklodovských nepřijel.“ [О, стр. 91]

«Однако жизнь решила, что карета графа не приедет к дому Склодовских.» [П, стр. 21]

„Bylo k půlnoci, kdy Lonina zpověď došla až k mezníku nejbolestnějšímu.“ [О, стр. 95]

«Была полночь, когда исповедь Лони дошла до самого больного места.» [П, стр. 24]

„Všechna tři děvčata Sklodovských platila mezi známými za hezká, avšak v Helenině postavě i tváři jako by všechno dědictví rodové krásy bylo sečteno a podtrženo.“ [О, стр. 87]

«Знакомые считали красавицами всех сестёр Склодовских, но в лице и фигуре Хелены было как бы собрано и подчёркнуто всё наследие родовой красоты.» [П, стр. 19]

2.3.3 Прагматический уровень

Прагматика — это отношение к пользующимся языком. В тексте перевода важную роль играет его прагматика. В случае, если рецептор принадлежит к другой культуре, переводчику приходится прибегать к прагматической адаптации перевода. [6]

Книга «Упрямая Мария» предназначена для читателей от 11 лет, интересующихся жизненной историей и путём становления Марии Склодовской-Кюри. Следовательно, не известно, будет ли юный читатель уже знаком с польскими традициями и некоторыми названиями. В тексте встречались определённые названия, которые вряд ли будут знакомы юному читателю, не имеющему представления о польской культуре. Поскольку автор не давал в тексте никаких разъяснений, переводчик счёл необходимым дать некоторые пояснения с помощью переводческих примечаний. Например:

„Co chvíli stála před zrcadlem v úboru, který znal ještě slávu „kuligů“, a Máňa s podivem hleděla, jak obnošené šaty ztrácejí svoji všednost v sousedství Heleniny krásy.“ [О, стр. 87]

«Она постоянно стояла перед зеркалом в наряде, знавшем ещё времена «кулигов» (кулиг — традиционная польская забава; процессия, в которой участвует несколько саней, запряжённых лошадью — прим. перев.), а Маня с удивлением смотрела, как поношенное платье теряет свою обыденность рядом с красотой Хелены.» [П, стр. 19]

При передаче некоторых топонимов был применён приём дополнения:

„Jen dvě řady stromů vroubíci chodníky na Krakovském předměstí [...]“ [О, стр. 71]

«Лишь два ряда деревьев, обрамляющие тротуары на проспекте Краковское предместье [...]» [П, стр. 8]

„Jednu žákyni má na Novém světě [...]» [О, стр. 72]

«Одна ученица у неё на улице Новый свет [...]» [П, стр. 8]

„[...] ten honosný vůz, že přijede před chud'oucký dům v Novolipkách a odveze obě Sklodovské zpět do paláce.“ [О, стр. 91]

«[...] что это роскошное средство передвижения приедет к бедненькому дому на улице Новолипки и отвезёт обеих Склововских назад во дворец.» [П, стр. 21]

Заключение

Целью данной бакалаврской работы был перевод нескольких глав из книги Антонина Згоржа «Упрямая Мария» с чешского на русский язык. Вторая часть включает в себя комментарий к переводу. В комментарии был проведён основательный разбор текста оригинала.

Комментарий также содержит информацию об авторе, тематике, стиле и жанре и лексических и синтаксических особенностях текста.

, комбинированный подход: приёмы экзотизации и адаптации.

Резюме

Данная бакалаврская работа была посвящена переводу выбранных глав из книги Антонина Згоржа «Упрямая Мария». переводческий комментарий, разделённый на несколько частей. особенности текста оригинала. Вторая часть посвящена выбору переводческой концепции. В последней части был проведён разбор переводческих проблем на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях.

Resumé

Tato bakalářská práce se věnovala překladu vybraných kapitol z knihy Antonína Zhoře *Tvrdohlavá Marie*. Druhá část obsahuje překladatelský komentář, který je rozdělený do několik částí. První část popisuje specifické vlastnosti výchozího textu. Druhá část se věnuje výběru překladatelské koncepce. V poslední části byla provedena analýza překladatelských problémů na lexikální, syntaktické a pragmatické úrovni.

Summary

This bachelor's thesis was devoted to the translation of selected chapters from the book of Antonín Zhoř "The stubborn Maria". The second part contains a commentary of the translation divided into several parts. The first part describes the features of the original text. The second part is devoted to the choice of the translation concept. The last part gives an analysis of translation problems on lexical, syntactic and pragmatic levels.

Список использованной литературы

Основные источники:

[№1] ZHOŘ, A. *Tvrdohlavá Marie*. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1957. 283 s. ISBN 978-80-904582-1-5.

Дополнительные источники:

[№2] ГОЛУБ, И. Б. *Грамматическая стилистика современного русского языка*. Москва: Высшая школа, 1989. – 208 с.

[№3] ЕФРЕМОВА, Т. Ф. *Толковый словарь Ефремовой*. 2000

[№4] ЖЕРЕБИЛО, Т. В. *Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн.* Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010.

[№5] ЗАЛИЗНЯК, А. А. *Грамматический словарь русского языка*. 5-е изд. Москва, 2008.

[№6] КОМИССАРОВ, В. Н. *Современное переводоведение*. 2-е изд., испр. Москва: Р.Валент, 2014. – 408 с.

[№7] ЛОПАТИН, В. В. НЕЧАЕВА, И. В. ЧЕЛЬЦОВА, Л. К. *Прописная или строчная? Орфографический словарь*. Москва: Эксмо, 2007.

[№8] НЕЛЮБИН, Л. Л. *Толковый переводоведческий словарь*. 3-е издание, переработанное. Москва: Флинта: Наука, 2003.

[№9] НИКОЛАЕВ, А. И. *Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей*. Иваново: Листос, 2011.

[№10] ŠECHOVÁ, M. a kol. *Současná stylistika*. 1.vyd. NLN, 2008. – 382 s.

[№11] LEVÝ, J. *Umění překlada*. Praha: Ivo Železný, 1998.

[№12] kol. *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha: Academia. 3. opravené vydání. – 648 s.

[№13] *Školní slovník českých synonym*. Lingea, 2010. 1. vyd. – 320 s.

Электронные источники:

[№14] *Запявание трудных слов* [Электронный ресурс]: <http://www.konorama.ru/igry/zapatan/>

[№15] КЮРИ, Е. *Мари Кюри*. Перевод с французского Е. Ф. Корша под ред. проф. В. В. Алпатова [Электронный ресурс]: <http://lib.ru/MEMUARY/ZHZL/kury.txt>

[№16] ПАРШИН, А. *Теория и практика перевода*. [Электронный ресурс]: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm (дата обращения 30.07.2016)

[№17] БАЧИНИН, В. А. *Эстетика. Энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В. А., 2005. [Электронный ресурс]: http://aesthetics_ru.academic.ru/20/Биографический_жанр (дата обращения 29.07.2016)

- [№18] *Словарь литературных терминов* [Электронный ресурс]: <http://slovar.lib.ru/dict.htm#h> (дата обращения 29.07.2016)
- [№19] *Словарь русских синонимов* [Электронный ресурс]: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms.htm>
- [№20] *Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех* [Электронный ресурс]: www.gramota.ru
- [№21] DYTRYCH, J. *Antonín Josef Zhoř* [Электронный ресурс]: <http://www.kic.rosice.cz/cs/kultura-a-volny-cas/osobnosti-rosicka/antonin-zhor> (дата обращения 29.07.2016)
- [№22] *Lidový slovník pro chalopáře* [Электронный ресурс]: <http://lidovyslovník.cz/index.php?dotaz=t%F8esky-plesky> (дата обращения 18.07.2016)
- [№23] *Что непонятно у классиков...* [Электронный ресурс]: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199901001> (дата обращения 29.07.2016)
- [№24] *Значение слова Мадемуазель по словарю Ушакова* [Электронный ресурс]: <http://tolkslovar.ru/m286.html> (дата обращения 29.07.2016)
- [№25] *Особенности литературно-художественного стиля* [Электронный ресурс]: <http://www.filologrus.narod.ru/lithudstyle.html> (дата обращения 29.07.2016)